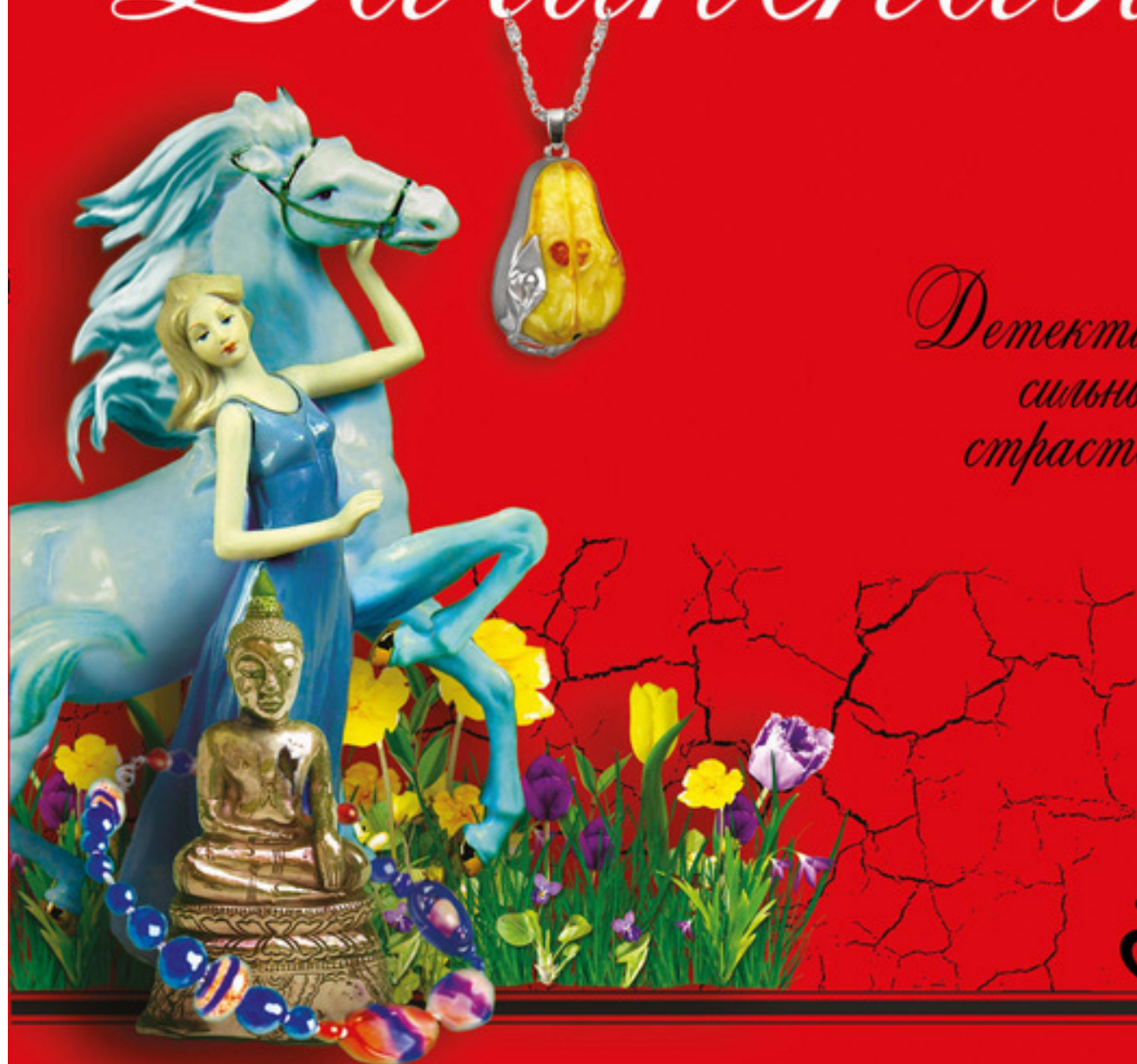

Инна Балшинская

*Детектив
сильных
страстей*

Девушка
с синей луны

Бюро случайных находок

Инна Бачинская

Девушка с синей луны

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Девушка с синей луны / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2018 — (Бюро случайных находок)

ISBN 978-5-04-090918-6

К Олегу Монахову, называющему себя ясновидящим и волхвом, обратилась за помощью Диана Рудник – странная молодая женщина, из тех, про кого говорят «не от мира сего». Она попросила Монаха помочь найти убийцу своего возлюбленного, Леонида Краснова. Диана одинока: ее сестра покончила с собой, брат уехал в Бразилию, и от него нет вестей, мать, известная актриса, умерла... И вот теперь Леонида, с которым они познакомились в Интернете, обнаружили мертвым в весьма пикантной позе – он был привязан к кровати шелковым шарфом ручной работы, который расписала и подарила ему Диана. Никто не связал воедино все эти случаи, кроме Монаха. Но он сразу понял – если в окружении Дианы за последнее время произошло столько странных смертей, ей тоже угрожает опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090918-6

© Бачинская И. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Инна Бачинская

Девушка с синей луны

*...И слушал я шаги – шаги, не знаю чьи,
За мной в лесной глуши неясно повторялись.
Я думал – эхо, зверь, кольшеется тростник;
Я верить не хотел, дрожа и замирая,
Что по моим следам, на шаг не отставая,
Идет не человек, не зверь, а мой двойник...*

Яков Полонский. Двойник

*Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их
с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

...Он сидел на скамейке напротив дома, рассматривал освещенные окна. Иногда в окне мелькал тонкий женский силуэт, на секунду-другую – женщина суежилась, накрывала на стол, открывала дверцу холодильника, доставала оттуда что-то. Иногда мельком взглядывала на темноту за окном, и тогда он вжимался в скамейку, стараясь стать невидимым, хотя прекрасно понимал, что она его не видит. А если бы даже видела... ну и что? Двор был темен, горел лишь неяркий фонарь у подъезда. Было холодно и тихо, в листьях и в траве шуршал неуверенный дождь. Ледяная капля упала ему на лицо, и он вздрогнул. Не скажешь, что август. Еще раз взглянул на освещенное окно, поднялся и пошел к подъезду. Набрал код и вошел в узкое полутемное парадное. Дом был старый, пропитанный тяжелым духом человеческих испарений, еды и кошек. Он не стал вызывать лифт – механизм был старый и оглушительно дребезжал. Поднявшись на шестой этаж, он остановился у правой двери и прислушался. Где-то далеко работал телевизор – слышались музыка и выстрелы. Он достал из кармана ключ, осторожно вставил в замочную скважину. Через минуту дверь подалась, и он застыл, прислушиваясь. Потом шагнул в прихожую и аккуратно закрыл за собой дверь. Из глубины квартиры в прихожую проник слабый свет и бормотание не то радио, не то телевизора. Он пошел на звук. Завернул за угол и остановился. Ему была видна кухня – под потолком горела люстра, на невысоком холодильнике стоял маленький телевизор. Выступал известный комик с лицом имбецила и нарочито дурашливыми интонациями. Публика в зале хохотала. Женщина стояла вполборота к нему, размешивала что-то в красной пластиковой миске, пробовала, добавляла соли – брала щепотку из пачки, – размешивала, пробовала, озабоченно морщилась. Салат, похоже. Помедлив, он шагнул из своего укрытия и вдруг замешкался – похоже, колебался. Она заметила его и отпрянула, на лице промелькнул сначала испуг, потом изумление. Она размахнулась и бросила в него ложку. Он метнулся вперед, прижал ее к себе, преодолевая сопротивление, прошептал в ухо: «Тихо, тихо, без глупостей!» Он сдавил ей горло и почувствовал, как она отяжелела и почти повисла у него на руках.

Он не ошибся – в миске был салат: морковь, свекла, зелень; рядом бутылочка оливкового масла. Он поморщился, он любил мясо.

Ее волосы слабо и пряно пахли, он вдохнул ее запах и задержал дыхание, чувствуя, как темнеет в глазах и слабеют колени. Комик на экране рассказывал какую-то байку, публика про-

должала хохотать. Ему была противна толстая физиономия комика; не выпуская женщину, он шагнул к холодильнику и с силой ударил локтем в экран. На экране вспыхнула яркая звезда, и изображение исчезло. Женщина забилась в его руках, нашарила нож на столе, схватила, ломая пальцы, и рванулась. Он вскрикнул и отдернул окровавленную руку...

...Он стоял, прислонясь к стене, бессмысленно глядя на неподвижное тело на полу у его ног. Капала вода из крана, за стеной работал телевизор, кто-то смеялся, доносилась музыка. По подоконнику забарабанили тяжелые капли дождя, и он вздрогнул...

Глава 1

Пастораль

*Летящая женщина тихо несла
Летящую душу и тело.
Летящая женщина кофе пила
И в то же время летела.*

Б. Штейн. Летящая женщина

Едва слышная инструментальная музыка, открытое окно – легкий сквознячок шевелит занавеску. На журнальном столике недопитая чашка кофе, не чашка, а чашечка – четырехгранная, на каждой грани кошка: черная, рыжая, серая и полосато-тигровая, – тончайшего японского фарфора. Рядом – эскиз на листке ватмана, небрежные размытые сине-серо-зеленоватые полутона, дым и намек – при изрядной доле фантазии обозначен цветок, не то пион, не то ирис, не то орхидея, а то и размытые черты лица. Молодая женщина сосредоточенно рассматривает натянутый на деревянную раму молочно-белый шелк: брови сведены, морщинки на лбу, бледный рот сжат; в пальцах – кисточка. Она переводит взгляд на эскиз, долго смотрит, словно желая запомнить, потом прикасается кисточкой к шелку...

Галерея женских образов в лилово-розовом, в серо-голубом, в жемчужно-оливковом: летящие волосы, широкие поля шляп, взметнувшиеся шарфы, с мелким резким штришком, с нарочито подчеркнутой деталью, тонкой черточкой – синей, малиновой, зеленой, – а то еще крошечная птичка, звездочка или стрекоза. Галерея фантастических цветов, космическая галерея остроконечных солнц, вспышек сверхновых, сверкающих стремительных небесных тел. Античные руины – летящие ангелы без крыльев, слегка обозначенные арки, галереи, амфитеатр.

Время бежит незаметно. За окном клубятся легкие сумерки и тянет вечерней сыростью. Художница откладывает кисть, выпрямляет спину, берет чашку с остывшим кофе. Залпом выпивает, закрывает глаза, сидит неподвижно несколько минут, ожидая, пока исчезнут под веками разноцветные пятна на белом фоне.

Звонок мобильного телефона заставляет ее вздрогнуть. Звонит мужчина, приглашает встретиться. Я голодная как волк, говорит она, смеясь и радуясь. Как страшный голодный волк. Понял, отвечает мужчина. Я тоже. В «Сову»? В «Сову», соглашается она. Через полчаса? Да! У театра. Успеешь? Ему не хочется расставаться, ему хочется расспросить ее, как прошел день, что она сегодня нарисовала, ему кажется странным ее занятие, несерьезным и немного смешным. Ты кто, спрашивает он. Художница по шарфам? Никогда не видел женщин с такими шарфами, где их можно купить и кто их носит? Богема? И сколько стоят? Ручная работа, авторский дизайн, сумасшедшие бабки... а с другой стороны – сколько их надо в жизни?

Ушла. Он говорит: до встречи, а в ответ тишина. Он улыбается, думая о встрече. Надо же! Среди нашего унисекса вдруг такое чудо! Несовременное, необычное, потустороннее! Диана...

...Они встретились у театра. Он пришел первым, ему нравилось наблюдать за ней издали, выискивать взглядом в толпе, а то еще стать за колонну и с улыбкой смотреть, как она подходит, замедляя шаг, оглядывается, неуверенность в глазах, неуверенность в фигуре, неуверенность в том, как руки сжимают ремешок сумочки... даже в волосах, в том, как они лежат на плечах, белые, ровные, поникшие. Как-то так получилось, что они всегда встречаются у театра. Всегда! Громко сказано, они познакомились недавно.

Он идет ей навстречу, она вспыхивает и останавливается. Она в черном, как обычно. Тонкая, в черном платье с глубоким вырезом, бледная кожа, странноватый кулон – груша в ажурном серебряном колпачке, молочный в медовых разводах непрозрачный янтарь, как раз в ложбинке, на массивной серебряной цепочке...

На лице вопрос, полуулыбка... Художница по шелку. Как должна выглядеть художница по шелку? Рисующая лилово-серо-голубые разводы и несуществующие в природе цветы? Напоминающие ирисы и флоксы. И еще космос. Именно такой, не от мира... или нет, из параллельного мира. С янтарной, полной света грушей в ложбинке на бледной коже. Странная она, эта Диана. Необычная. Не такие ему нравятся. Но с другой стороны, любопытно. Любопытно, какая она в... гм... определенном смысле. Сейчас судить трудно, они слишком мало знакомы... отношения их из жизни голубей, как любит говорить друг Боря, начитанный бармен-эрудит.

Он притягивает ее к себе, вдыхает запах волос и кожи и не чувствует ответного движения. Она словно застыла. Потом осторожно упираясь ладошкой ему в грудь, она отодвигается и смущается. Они смотрят друг на дружку. Она улыбается, на скулах красные точки. Похоже, рада. Но не умеет выразить: закричать, броситься на шею, чмокнуть в щеку или прижаться губами к губам. Откуда она взялась такая?

– Голодная? – спрашивает он, сплетая свои пальцы с ее пальцами. – Опять ничего не ела с утра?

Она кивает.

– Рисовала цветы?

Она кивает.

– Пошли! Буду тебя кормить.

– Это тебе! – Она вытаскивает из сумочки маленький полупрозрачный сверток, протягивает. Он разворачивает – там шелковый шарф! Серый с синим, крошечные синие птички на сером.

– Подарок? Это чайки? – спрашивает он.

Она пожимает плечами и говорит:

– Это птицы. – Берет шарф у него из рук, набрасывает на шею, оборачивает раз, другой. Отступает и смотрит.

– Как? – спрашивает он. – У меня никогда не было такого шарфа, и теперь я богемный и неземной.

Она смеется. Они идут в «Сову» ужинать. Ему непривычно с шарфом и кажется, что всем только и дела до его шеи, обмотанной невесомой шелковой тканью в птичках, он улыбается и трогает шарф. Ткань пахнет нежно и пряно. Выпендрейный такой шарфик.

– Нравится? – спрашивает Диана.

– Очень! – отвечает он искренне.

– Что ты будешь? – спрашивает он, когда они сидят за столиком.

Народу еще не очень много, основная программа начинается в одиннадцать. «Белая сова» – стриптиз-бар с потрясающей программой, с перчиком, сюда просто так не попадешь. У него здесь приятель-бармен, тот самый эрудит, да и потом, им только поужинать. На шоу они не остаются. Почему? Не сегодня, говорит она, нет настроения. Он понимает, что дело не в настроении, просто это не ее. Стриптиз, кабацкие шуточки, ржущая публика под кайфом... не ее. Несовременная и странная. Такой у него еще не было.

– Мясо! Я буду мясо.

– И вино?

– И вино. Красное.

Он кладет ладонь на ее руку и говорит:

– Ты смешная! И ты не похожа на Диану.

– Я не похожа на Диану? Почему? – удивляется она.

– Диана большая и толстая, я видел на картине, а ты тонкая и хрупкая. Ты Полина. Или Анна. Или Шарлотта.

Она смеется:

– Не выдумывай! Я Диана. Я люблю луну.

– У тебя зеленые глаза. Можно я сниму шарф? А то заляпаю, я страшная неряха. Или страшный?

– Наверное, страшная. Не знаю. Можно. Глаза у меня серые. Ты дальтоник.

Он снимает шарф, кладет на спинку соседнего стула.

– Дальтоник и ничего в жизни не понимаю. Конечно. У меня никогда не было красного шарфа с маленькими черными птицами.

Она смеется.

– Шарф серый, а птицы синие! Ты правда видишь его красным? – Она вглядывается в него пристально и недоверчиво. – Получается, мы живем в разных мирах?

– Я сразу это понял. У нас разные миры. Твой прозрачный, а мой деревянный с медными заклепками.

Она снова смеется. Он забавный.

Им приносят мясо в больших тяжелых тарелках. И красное вино. Им хорошо вдвоем, они словно встретились после долгой разлуки. Они смеются, болтают ни о чем, едят мясо и запивают его вином. Их беседа напоминает бессвязный разговор лунатиков, он странен для постороннего уха – кажется, каждое слово приобретает новый смысл, но они понимают друг дружку. Ему было трудно сначала, но потом он наловчился.

Они долго гуляют по пустеющему городу. Потом он провожает ее домой. Они стоят во дворе и смотрят на темные окна ее квартиры.

– Люблю кофе на ночь, – говорит он, целуя ее пальцы.

– Поздно. Я устала. Не обижайся, ладно?

– Чай я тоже люблю, – настаивает он.

– Я не готова, подожди, ладно? Я приду, честное слово. Подожди немного.

– Я хочу увидеть шарфы, те, что ты нарисовала сегодня, – говорит он. – Не надо чая, я пошутил. Можно просто воду. Умираю от желания увидеть шарфы и еще от жажды.

Она смеется, кладет пальцы ему на губы.

– Выйдешь на балкон, – говорит он ей в пальцы. – И спустишь веревку, поняла? У тебя есть веревка? Люблю влезать по веревке к прекрасной даме. Один раз сорвался и упал. Честное слово!

Она смеется и уходит. У подъезда оборачивается и взмахивает рукой. Он делает шаг к ней, но дверь уже закрылась с чмокающим металлическим звуком. Он остается один. Двор залит оловянным светом. Он задирает голову и видит очень яркую белую луну, она как чье-то любопытное белое лицо рассматривает Землю. Луна смотрит на него, и он говорит: да знаю, знаю, но так даже интереснее, куда спешить, все впереди, ты ведь понимаешь, что все всегда кончается одним и тем же. Понимаешь? Ему кажется, луна подмигивает и соглашается.

Он слышит, как сверху открывается балконная дверь. Диана наклоняется над перилами, ее бледное лицо как луна...

... Не торопясь, он идет по ночному городу. Возвращается домой. Не идет, а бредет. Ночь прохладна. Светит луна, тихо, его шаги подхватывает эхо, утаскивает куда-то вдаль. Подхватывает... чем? Цепкими лапками? На лету цепкими лапками и улетает... Взмывает и улетает. Он поддает ногой бумажный стаканчик, снимает с шеи шелковый шарф, сует в карман. Она живет в престижном районе, в центре, а похоже на зеленый пригород, и старинный парк рядом, народ здесь денежный. И пусто: ни души, только патрульная машина проехала. Он напрягся, подумал, сейчас проверят документы. Но они не остановились – спешили на вызов, не иначе. Ему интересно, как она живет, ну, там, квартира, мебель, все должно быть солидное, старинное,

лепнина на потолке, дорогие люстры. Наверное, много картин... росписей по шелку. Необязательно по шелку, на холсте тоже. Кто ее родители, где, кто в друзьях... Одинока... почему? Все интересно. Не только расписывает шарфы, говорит, еще рисует картины на шелке, батик называются, тоже не всякий купит, он видел цены на сайте... даже, если по одному... одной в неделю, можно жить. Он вспоминает ее украшение – кусок необработанного молочного янтаря в серебре, сразу видно, немалых денег стоит, не ширпотреб. Сует руку в карман, нащупывает тонкую ткань, усмехается. Вспоминает о луне, задирает голову и повторяет: вот так-то, моя Диана...

...Посмотрел значение, Диана – олицетворение Луны. Там еще много чего, но главное Луна. Любому человеку понравится, если знаешь значение его имени, выдать между прочим, с понтами: знаем, читали, в курсе. Олицетворение Луны. Бледная ночная женщина с кисточкой и красками. А на плече черная птица. Тонкая и осторожная, надо выбирать слова, чтобы не спугнуть, он это может, не дурак, и язык подвешен. Хотя сначала были сложности. Но потом попал в тон. И жизненный опыт богатый, попробовал всего, везде свой. Интересно, почему она одна, и вообще. Он улыбается, чувствуя, как нарастает в нем чувство приближающейся удачи, как бьют внутри добрыми предвестниками барабанчики судьбы...

Он вошел в свой затрапезный подъезд, достал ключи. Включил свет в прихожей, поморщился от неприятного запаха старой одежды и затхлости – ни освежители воздуха, ни открытые окна не помогают. Подумал, что пора что-то менять в жизни... ну ничего, даст бог! Свалить из этой вонючей съемной дыры... хотя бы к ней, к Диане, а что?

Он долго с наслаждением стоял под душем – ночью в их спальном районе дают теплую воду; потом сварил кофе. Завернутый в полотенце, с полной кружкой уселся за стол и включил компьютер. Отстукал: *«Я пью кофе и думаю о тебе. С шарфом на шее. Спокойной ночи, Диана!»*, отправил. Если не легла, ответит. Он бродил по сайтам, читал, смотрел, слушал. Она не ответила, к его разочарованию. Спит.

Он открыл окно в спальне, задернул штору и улегся. Он засыпал, когда пронзительный дверной звонок выдернул его из хрупкого еще сна. Он прислушался. Звонок повторился. Удивленный, он поднялся с постели и отправился в прихожую...

Глава 2

Стон и плач в рядах умных и красивых

*Тело стоит вверх ногами.
Это очень одухотворенное тело.
Оно ищет истины
И поэтому опирается на источник мысли
Время от времени...*

Р. Минаев. Тело стоит вверх ногами...

Монах попал под машину. Такая с ним приключилась неприятная история. Пошел через зебру, красная «Субару» на первой полосе пропустила, а синяя «Ауди» на второй и не подумала притормозить. В результате перелом ноги и ушибы. Причем в красной за рулем блондинка, а в синей мужик. А вы говорите. Козел в синей «Ауди» думал, проскочит, но Монах оказался проворнее, в итоге роковое столкновение. Блондинка даже расплакалась и обругала козла нехорошими словами, потом позвонила в «Скорую». Потом сидела на асфальте, держала голову Монаха на коленях и утешала. Он старался не шипеть от боли, лежал, чувствуя лопатками твердый асфальт, а затылком ее мягкие колени, ностальгически втягивая носом запах ее духов. Такие же духи были у одной из его жен, и он, жалея себя, подумал, что все, виток завершился, он выброшен на обочину жизни, неизвестно, выживет ли, и в больницу прийти некому...

Последнее утверждение неверно, так как друзья есть, взять того же Лешу Добродеева, золотое перо местной журналистики, изрядно бессовестное, кстати сказать... как сейчас говорят «борзое»; или друга детства Жорика Шумейко с супругой Анжеликой. А бывшие жены? Да только свистни – мигом прибегут! А знакомые женщины? Без вопроса. Даже неадекват Эрик, и тот прибежал бы с радостью, хотя помощи от него как с козла молока, скорее, наоборот, опыт подсказывает, что от Эрика лучше держаться подальше. Однажды он чуть не убил Монаха. Ну да это старая история...¹

Неверное-то неверное, но уж очень хотелось пожалеть себя, накатило настроение... бывает, особенно когда лежишь сбитый на твердом пыльном асфальте, чувствуя хребтом его неровности, а красивая, хорошо пахнущая женщина плачет над тобой, и ее слезы падают тебе в бороду и щекают там. Он осторожно нащупал мобильник в кармане и набрал Лешу. Тот рзахалялся, раскричался, еду, мол, сейчас же, держись, Монах! Не умирай.

И пошло-поехало. Полиция с мигалками и сиреной, «скорая» с мигалками и сиреной, козла вяжут, образно выражаясь, движение перекрыто, затор, недовольные водители сигналият. Блондинка продолжает рыдать и дает обвинительные показания; Монах лежит молча, даже глаза закрыл, потому что так легче переносить боль, которая крепчает. И само собой, толпа. Живо обменивается мнениями, сходится в осуждении козла, купившего права и заодно всю полицию. На всех парах прилетает Добродеев, врывается в толпу, размахивая синей книжечкой и крича: «Пресса! Пропустите прессу!» Монаха увозят, погрузив на носилки. Блондинка кричит: «Я приду! Держитесь!» Добродеев усаживается в «скорую» и берет Монаха за руку.

Занавес. Толпа неохотно расходится.

– Как ее зовут? – едва слышно шепчет Монах, сжимая руку Добродеева.

– Что? – не понял журналист. – Что ты сказал? Тебе плохо? Больно?

– Ты взял ее координаты?

– *Его* координаты? – уточняет Добродеев. – Взял. Он у нас поскачет!

¹ См. роман И. Бачинской «Маятник судьбы».

– Ее!

– А! – До журналиста наконец доходит. – Записал номер машины, она же свидетель. Красивая женщина. Ты ее знаешь?

Монах не отвечает. Лежит с закрытыми глазами, бледный, слабый, сложив руки на животе. Покачивается в такт движению. Добродеев вздыхает и качает головой. Гонит от себя плохие предчувствия, но время от времени трогает руку Монаха. Живой, говорит, ухмыляясь, врач, молодой человек в зеленом халате и зеленой шапочке. Будет жить. Через пару месяцев как огурец. Главное, чтобы ел поменьше, а то лежачий образ жизни, сами понимаете. Нахал выразительно смерил взглядом внушительную фигуру Добродеева. Брат? Друг, отвечает Добродеев сухо – молодой человек, тощий и длинный, ему несимпатичен и доверия не внушает, тем более несерьезно скалит зубы, шуточки отпускает, неуместная ирония какая-то...

...Монах лежал на своем необъятном диване... Можно сказать про диван, что он «необъятный»? В смысле, нельзя обнять. А кто будет обнимать? Неясно. Скажем иначе. Лежал он на гигантском диване с задранной кверху ногой. Нога была задрана кверху по причине подложенной подушки и напоминала жерло пушки; смотрела на кухонную дверь. Ему нравилось лежать и рассматривать потолок, и при этом думать про разные интересные вещи. Обычно, но не сейчас, когда лежание было насильственным. И мысли какие-то депрессивные лезли в голову. Про смысл жизни, планы на будущее, которых нет, а время идет, пора определиться, дерево хотя бы посадить. Где? У него нет и кусочка земли. Он представил, что у него есть дача, где растут редиска и клубника. Можно еще зеленый лук и салат. Нарезать, залить сметанкой, добавить сваренное вкрутую яйцо или парочку, посолить хорошенько и... Монах сглатывает слюну, с отвращением переводит взгляд на миску с недоеденной овсяной кашей на журнальном столике и кружку молока. Тоскливо рассматривает ногу в гипсовой упаковке. Потом закрывает глаза и пытается вздремнуть. Но сон не идет. И опять всякие дурацкие мысли.

Интернет надоел, ящик надоел, местная пресса... тьфу! сплетни и реклама, книга не читается, не растет кокос. Кроссворды... опять тьфу! Идиотские вопросы, идиотские ответы. Например, концерт для зрителей. Одиннадцать букв. Ну-ка! Да будь вы хоть семи пядей... Цветомузыка! Концерт для зрителей это *цветомузыка*. Ну не япона мама, как говорит Жорик. А золотое перо Лео Глюк, он же Леша Добродеев, тоже *отличилось*, сообщив про кассовый аппарат позапрошлого века, найденный на Марсе. Скучно, господа. Даже про зачавшую от марсианина барышню было креативнее. Кризис жанра.

Два месяца! Сколько, сколько? В больнице сказали два! Столько не живут. Монах закрывает глаза в знак протеста против невыносимо черной полосы бытия и складывает на груди руки. Представляет себя с горящей свечкой в холодных пальцах, где-то поет ангельский хор и курится удушливая смола. Кто-то из присутствующих живых покашливает, кто-то чихает или чешется, кто-то выстукивает эсэмэску. Прощальная панихида. Тьфу!

Все, докатились, что называется. Ладно, сказал он себе, хорош ныть. Повторяй: я хладнокровен как удав. Точка. Десять раз! Ну! Как большой и длинный удав! И толстый.

Монах... Олег Христофорович Монахов – оптимистический реалист по жизни, во всяком случае, таковым являлся до сих пор. Кроме того, личность несколько необычная. Чем же это необычная, спросит читатель. Да взять хотя бы внешность! Толст, большеголов, с длинными русыми волосами, скрученными в узел на затылке, рыжей окладистой бородой, с голубыми детскими глазами, полными наивного любопытства, хотя далеко не дурак и айкью у него дай бог всякому. Поигрывает, чувствуя себя актером в театре по имени жизнь, ничего не воспринимает всерьез, благодушен, всем доволен и кушает, что дают. Уверен, что там, за пределами, нас ожидают приятные сюрпризы, так как материя нескончаема. Циник и волхв... где-то. Циник потому что знает человеческую породу и ее всякие мелкие полупристойные умо- и телодвижения, снисходителен, никого не судит, а при случае и сам способен... гм... но только

для пользы дела, а также из любопытства. А волхв... тут сложнее. Монах вполне искренне считает себя волхвом. Я, конечно, не господь бог, говорит он с присущей ему скромностью, а лишь всего-навсего маленький незаметный волхв с детективным уклоном и легким даром ясновидения. Как-то так. Зачатки ясновидения, внезапные озарения и догадки, интуиция, вещие сны... да, да! Вообще, если любой... повторяем: любой! индивид отвлечется от мобильного, Интернета, сплетен и семейных разборок, а сядет и задумается и пропустит через умственное сито события сегодня, вчера и всей жизни в целом, да проанализирует ляпы и промахи, да истолкует должным образом, то обнаружит, что всю дорогу одни и те же грабли, что судьба рисовала знаки, подавала сигналы и вопила «SOS», а он не внимал и лез напролом. В итоге... сами понимаете. Тут главное прислушаться. Желательно в тишине.

У Монаха привычка степенно пропускать бороду через пятерню – так легче думается. Вот идет он по улице в широких полотняных штанах, в необъятной футболке, в матерчатых китайских тапочках с драконами, с рыжей бородищей и узлом волос на затылке – не торопясь, слегка раскачиваясь для равновесия, на лице задумчивость и благость, а бабульки вокруг крестятся, принимая его за служителя культа. Лепота! Он же серьезно кивает и осеняет их неспешным мановением толстой длани.

В свое время он практиковал как экстрасенс и целитель, причем весьма успешно. Был такой период в его пестрой биографии. А еще он преподавал физику в местном педвузе, защитил кандидатскую. Иногда, в зависимости от аудитории, рекомендуется профессором. Потом перекинулся на психологию, стремясь разобраться в душе как собственной, так и страждущих. Он был женат три раза, и жены его были красавицами и умницами, и дружеские отношения сохранялись после разводов...

Так какого рожна надо, возможно, спросит читатель. Именно! Но беда в том, что он всегда сбегает. Только согреет место, встретит замечательную женщину, и карьера поперет, как вдруг одномоментно и бесповоротно сыплется и рухнет вся его жизнь! Просыпается в нем что-то и толкает, толкает вон из города, на волю, топтать вдаль с неподъемным рюкзаком за плечами, ночевать в чистом поле и пить из ручья. Бродяжничать, одним словом. И тогда он все бросает: и жен, и насиженное место, и друзей, и летит куда глаза глядят. В Монголию, в тайгу, в Непал или в Индию.

И там, затерявшись в непроходимых дебрях, сидит неподвижно на большом валуне, смотрит на заснеженные горные пики и любит цветущими белыми и красными олеандрами; в прищуренных глазах отражается хрустальный рассвет. Безмятежность, покой, отрешенность, сложенные на коленях руки... Нирвана. Счастье. Постигание.

Монах понимает в травах, ему сварить любое снадобье раз плюнуть. Он чувствует, что нужно смешать, и куда намазать, и сколько принять внутрь, чтобы не простудиться. Или взлететь. И спишь после приема как младенец, и видишь сны. Правда, потом их трудно, почти невозможно вспомнить – только и остается чувство, что осмыслилась и доказалась некая суперзадача, а вот какая – увы. Зато наутро выспавшийся индивидум свеж и бодр, мыслительные шестеренки крутятся будь здоров, мысль бежит вприпрыжку, голова варит, и всякая проблема, непосильная вчера, разрешается на счет раз-два. И никакого похмельного синдрома.

С журналистом Алексеем Генриховичем Добродеевым, местным золотым пером, гордостью «Вечерней лошади» – рабочий псевдоним Лео Глюк, вернее, один из, – Монах познакомился, можно сказать, вполне случайно. Что называется, судьба свела. Его попросили разобраться с убийствами девушек по вызову, тут-то они и столкнулись...²

С какого перепугу, спрашивается. В смысле, с какого перепугу попросили. Он что, частный сыщик? Оперативник на пенсии? Нет, нет и нет. Монах не частный сыщик и не оперативник на пенсии, а попросили его по той простой причине, что пару лет назад он открыл в сети

² См. роман И. Бачинской «Маятник судьбы».

сайт под названием «*Бюро случайных находок*» – накатило настроение, соскучился по людям, скитаясь в тайге, и захотелось новых прекрасных жизненных смыслов. Поместил собственную фотографию для наглядности и пообещал помощь бывалого человека и путешественника под девизом: «*Не бывает безвыходных ситуаций*» всем попавшим в тупиковое положение. На фотке большой внушительный человек с рыжей бородой в голубой джинсовой рубашке; щурится на солнце, слегка улыбается, руки сложены на мощной груди. Нельзя сказать, что от желающих отбоя не было, за весь отчетный период позвонили и попросили о помощи всего-навсего четверо. Из них двое каких-то психов, а другие двое оказались в масть. В итоге Монах раскрутил два красивых дела, из тех, что называется, резонансных, обскакав оперативников, в результате чего уверовал в свой детективный гений. Нет, не так. Он подтвердил свой детективный гений, в котором никогда не сомневался, просто руки не доходили попробовать.

Да, так о чем мы? Об исторической встрече Монаха и Добродеева. Эти двое сразу нашли общий язык, заключили союз о творческой взаимопомощи и родили «*Детективный клуб толстых и красивых любителей пива*». Усовершенствованное название: «*Детективный клуб толстых и красивых любителей пива и подвешивателей официальных версий*». Монах был интеллектуальным двигателем и аналитиком, а Добродеев добытчиком информации из самых достоверных источников, так как у него везде все схвачено; он также подставлял плечо и разделял самые бредовые идеи Монаха по причине некоторой склонности к аферам и мистификациям. Бар «Тутси» стал явочной квартирой Клуба. Тот самый, где барменом добряк Митрич, он же хозяин заведения. Добавьте сюда фирменные бутерброды с копченой колбасой и маринованным огурчиком и замечательное пиво! И девушку, которая поет по субботам – не дешевую попсу, а настоящие старинные романсы, а также из бардов, – и фотографии местных и залетных знаменитостей, и вам сразу станет ясно, что «Тутси» – бар для понимающих: без криков, скандалов и мордобоя, с теплой, почти семейной атмосферой в духе эдакого слегка ностальгического ретро...

Между побегами на волю Монах проживал в семье друга детства Жорика Шумейко, о котором уже было упомянуто ранее, и его жены Анжелики. Это была та еще семейка добродушных раздолбаев, с тремя детишками: крикливыми девчонками Маркой и Кусей и его крестником, тезкой Олежкой, а еще с кошками, собаками и хомяком и без продыху вопящим зомбоящиком. И Монах часто говорил Добродееву, как хорошо было бы занять отдельную квартиру, повесить везде жалюзи – упаси бог, никаких тряпок, – и балконную дверь держать открытой, зимой тоже, чтобы залетали снежинки.

И вот свершилось! Квартира есть, жалюзи повешены и приобретен безразмерный диван. Правда, сейчас лето, снежинки не залетают, а залетал еще недавно тополиный пух, от которого чешется в носу. Жить да радоваться. Так нет же! Чертова зебра и чертов козел! Одна радость – прекрасная самаритянка, чьи мягкие колени до сих пор ощущает Монахов затылок. И сладкие духи...

Он задремал, и снилась ему прекрасная незнакомка. Она вела Монаха за руку через бесконечную зебру, оборачивалась, кивала и улыбалась. Он покорно шел, держа ее за руку, кивал и улыбался в ответ...

Разбудил его скрежет ключа в замочной скважине. Ключи у Леша Добродеева и Жорика. Кто? Монах поставил на Жорика с кастрюлями и проиграл. Это был журналист. Он влетел в комнату, лучась наигранным весельем, с ворохом местных газет, свертками из «Магнолии», от которых по квартире распространился божественный запах копченостей, и оптимистично закричал:

– Ну-с, как дела у нашего болезного? Не скучаем? Чем занимаемся? Что новенького? Не разбудил?

Монах поморщился и промолчал. Ему пришло в голову, что все идиоты думают, что именно так нужно говорить с больными... так сказать, вселять оптимизм и волю к победе. И

спросил себя, а если бы это, к примеру, Добродеев лежал с ногой, а он, Монах, его навестил – что бы он сказал? Тоже орал бы как ненормальный?

– А я тут принес перекусить! – продолжал радостно журналист.

– А пиво? – перебил Монах.

– Врач сказал, лучше воздержаться.

– Ага, а то не срстется. Хочу пива. И мяса. Ненавижу овсянку! Анжелика как с цепи сорвалась, с утрачка пораньше уже тут как тут и варит эту дрянь, причем без соли. И яйца вкрутую. Это же пытка!

– Я принес шампанское. Мясо тоже.

– Шампанское? – поразился Монах. – На хрен? Терпеть не могу шампанское. У тебя что, день рождения?

– У нас гости, Христофорыч. – Добродеев посмотрел на часы. – Через полчаса.

– Какие еще гости?

– Увидишь! Ты умывался? Зубы чистил? Я бы на твоём месте переоделся, футболка у тебя не того-с...

– Лео, в чём дело?

Но Добродеев уже суетился на кухне. Надел фартук с экзотическими фруктами, подарок Анжелики, и суетился. До Монаха долетало звяканье посуды, шум льющейся воды, хлопанье дверцы холодильника. Кроме того, Добродеев громко пел свою любимую арию Вертера: о, не буди меня, зефир весны молодой, о не буди-и-и меня... Пел он с чувством, подвывал и дребезжал голосом, и Монах вспомнил, как однажды ехал по проселочной дороге в трясушемся вонючем автобусе, в богом забытой глубокой провинции, а полная женщина рядом везла в мешке крошечного поросенка; тот выглядывал из мешка и пытался выбраться, а она пихала его обратно, и он взвизгивал. Было душно, автобус трясло, поросенок визжал, народ громко переговаривался, на заднем сиденье пили, кричали и закусывали. А потом пели, тоже взвизгивая на ухабах. Хорошая домашняя обстановка. Эх, сколько воды с тех пор утекло, и поросенка, поди, уже нет в живых, и не вспоминал Монах о нём никогда, а вот поди ж ты, накатило!

Он потянулся за костылями; с трудом поднялся с дивана. Доковылял до кухни, стал в дверях:

– Где ты её отловил?

– Кого? – удивился Добродеев, отрываясь от снеди, которую раскладывал в тарелки.

– Марину. – Монах сглотнул – пахло восхитительно, и вспомнил овсянку на журнальном столике.

– Откуда ты... – вытаращил глаза журналист.

Монах красноречиво приподнял бровь и покачал головой.

– Ладно, ладно, волхв, сдаюсь! – Добродеев поднял руки. – Я думал, ты в отключке, а ты подслушивал. Красивая женщина, Христофорыч. И если ты сачканешь... не знаю! Имей в виду, тебе давно пора остепеняться, такие женщины на вес золота, и вообще...

– Она не замужем?

– В разводе. Детей нет. Маленький торговый бизнес. Это фарт, Христофорыч. Расспрашивала про тебя, кто такой, женат, любимая женщина, характер, привычки, пьёт, курит... все такое. Знаешь, какие женщины.

– Что ты ей сказал?

– Что ты предприниматель, одинок, в душе романтик и путешественник. Прекрасный пол вешается на шею, но ты отодвигаешь, так как ждешь настоящей любви. Причем некурящий трезвенник. Про пиво я не упоминал.

Монах хмыкнул и спросил:

– Как ты на неё вышел?

– Прочитал протокол и позвонил. У меня там свой человек. Встретились, поговорили. Охи, ахи, как он там, жив ли. Ну и... вот. Между прочим, я подкинул ей адрес твоего сайта. А через пару дней она звонит, спрашивает о тебе, снова ахи, охи, я и пригласил. А что? Не рад?

– В мужчине должна быть тайна, Лео. И нечего трепать за моей спиной.

Добродеев окинул взглядом внушительную фигуру Монаха и сказал:

– Христофорыч, в тебе еще много тайн. Если ты, беспомощный, лежа на асфальте, произвел на нее такое неизгладимое впечатление, то сейчас тебе и карты в руки. Материнский инстинкт еще никто не отменял. Ты бледен, молчалив, на твоём лице печать страдания и боли, ты одинок, ты...

Неизвестно, до чего бы еще договорился Добродеев, но тут раздался неприятный дребезжащий звук дверного звонка. Оба вздрогнули и уставились друг на друга. Монах разгладил бороду, Добродеев сдернул с себя фартук...

Глава 3

Странная история

Толстая одышливая женщина в зеленых лосинах и свободной пестрой блузе с раздражением давила на кнопку звонка. Снова и снова. Потом вытащила мобильный телефон, набрала номер. Приложила к уху и долго слушала, бормоча ругательства; потом с раздражением сунула его в сумку. Напоследок пнула дверь ногой в золотой сандалиии, собираясь уходить. К ее изумлению, дверь приоткрылась. Черт, открыто! Этот халдей забыл запереть дверь! Или чего похуже – вообще свалил, и плакали ее денежки.

Она ворвалась в квартиру, пролетела по коридору, отметила горящую люстру и свет в кухне и распахнула дверь в крошечную спальню. На миг застыла на пороге и, уронив увесистую торбу, тяжело осела на пол. Сидела, выпучив глаза, хватая воздух по-рыбьи раскрытым ртом, прижав к сердцу руку. Разлетелись по полу ключи, монетки, косметика, шоколадка и пластиковая заколка для волос. Разлетелись какие-то бумажки и несколько мятых купюр.

Горел торшер под красным абажуром, где-то работал телевизор и капала вода из крана. Тишина квартиры впитала и втянула в себя всякие мелкие звуки и звучки, стала густой и тягучей; неприятный затхлый запах старых вещей органично сочетался с ней; красный полумрак в спальне был вполне тошнотворен. И тошнотворным было зрелище обнаженного человека на разобранной кровати. Запрокинутая голова, разбросанные в стороны руки и общая неподвижность не оставляли сомнения, что человек был мертв. Кожа его была слишком белой, до синевы, мускулы рук и ног, казалось, были напряжены; белое постельное белье казалось красным в свете торшера...

...Майор Мельник поднялся на третий этаж, тяжело уставился на толстую растрепанную женщину в расстегнутой пестрой блузке – она поджидала его, прислонившись к стене. Вы, спросил он, и она кивнула, облизнув сухие губы. Где, спросил майор Мельник, и она дернула головой на дверь. Понятно, сказал он и толкнул дверь.

Майор Мельник был мрачным, очень спокойным и немногословным опером, много повидавшим за свою оперативную карьеру. Он никогда не удивлялся и не улыбался, от его пытливого взгляда не ускользала ни малейшая мелочь, он умел слушать и задавать вопросы. Причем задавал он их не только словами, а еще вздергиванием бровей, почесыванием носа, наклоном головы, и было сразу видно, что он не верит, сомневается или предлагает уточнить сказанное. Прозвище у него было Робокон из-за манеры сидеть неподвижно и напряженно думать. Строннему наблюдателю казалось, он видит, как размеренно и неторопливо вращаются шестеренки и всякие колесики в крупной голове майора.

Майор Мельник был крупным молчаливым мужчиной с тяжелым испытующим взглядом. Попав под прицел его взгляда, даже невиновный человек, еще минуту назад вполне благополучный и уверенный в себе, тут же поднял бы руки вверх и сдался в плен без единого выстрела.

Майор Мельник никогда не улыбался. Майор Мельник был нетороплив, спокоен, пил умеренно, взяв след, уже не сворачивал в сторону и не торопясь шел к финишу. Была у него особенность, о которой ходили анекдоты: обостренное чувство времени. Он никогда не говорил, допустим, выходя в кафешку по соседству, вернусь через пятнадцать минут, а уточнял: вернусь через четырнадцать с половиной. Коллеги неоднократно бились об заклад, и те, кто сомневался, проигрывали: майор Мельник возвращался ровно через четырнадцать с половиной минут.

Он прошел через прихожую, заглянул в кухню, отметил, что везде горит свет, несмотря на середину дня. Прошел через гостиную и встал на пороге спальни. Из-за его плеча выглядывал судмедэксперт Лисица, маленький седенький старичок-боровичок, бодрый и свежий как все-

гда, оптимист по жизни, благоухающий хорошей туалетной водой и свежевыглаженной рубашкой.

Из-за красноватого света торшера спальня казалась гротом. На красных простынях лежал мужчина. Лисица издал звук, похожий на кряканье, похоже, у него перехватило дыхание.

Мужчина был обнажен – тело его неприятно белело на красном, – с руками, привязанными к спинке кровати; голова его была неестественно свернута набок, глаза уставились в угол комнаты, рот мучительно оскален...

– Это ваш родственник? – спросил Мельник женщину; бледная, с вытаращенными глазами, она смотрела бессмысленно и явно не понимала. – Воды? – Она все еще не понимала. – Кто вы такая? Как попали в квартиру?

– Это моя квартира, я сдаю... – Она облизнула сухие губы. – Есть договор... ага.

– Имя?

– Чье?

– Ваше. Документы есть?

– Есть! – Она засуетилась, раскрыла торбу, достала паспорт. – Вот! Галина Андреевна Крутовая, на пенсии... ага, не работаю... уже пять лет, иногда подрабатываю... – Полуоткрыв рот от напряжения, она уставилась на него в упор, боясь пропустить хоть слово.

Майор Мельник перелистал паспорт, поднял на нее тяжелый взгляд:

– Как зовут жильца?

– Леня... Леонид Семенович Краснов. У меня документ есть... договор! И паспортные данные... все!

– Как давно он снимает квартиру?

– Четыре месяца... будет через неделю, заехал в конце апреля, двадцатого числа. Я вообще-то мужикам не сдаю, загадят, неряхи, девок водят, пьянки-гулянки... в смысле, беру всегда девочек, а тут знакомый попросил... – Она снова облизнула губы и поправила волосы; на скулах появился румянец; она все время сглатывала и поводила шейей.

– Кто?

– Боря Крючков, бармен... раньше работали вместе, в ресторане «Прадо», я поваром, он барменом, только... – Она осеклась.

– Что?

– Ну... всякое говорили, знаете, какие люди, сбрешут и не почешутся... черноротые... вроде кинул он кого-то на бабки... – промямлила она, ежась под пристальным взглядом майора; на лице ее рисовалась досада, она жалела, что распустила язык, но удержаться не могла – ей нужно было выговориться, ее била дрожь, слова вылетали сами, ее несло. – Ну типа... не знаю точно, говорили, что-то вроде с менеджером не поделили, и его... в смысле, ушел. Он ничего, только пьющий, ага... а так нормальный. – Стремясь унять дрожь, она сцепила пальцы.

– Где его можно найти?

– В «Сове»... в смысле «Белая сова», ресторан... ночной типа. По сменам... ага.

– Воды? – тяжело спросил майор Мельник, сверля ее неприятным взглядом исподлобья.

– Чего? – испугалась она.

– Водички не хотите?

– А! Нет... спасибо. Да! Выпью... я сама, можно?

Она тяжело поднялась, шагнула к буфету, достала чашку. Майор Мельник смотрел, как она пьет, шумно глотая, оживая на глазах, как пойманная рыба. Она ему не нравилась – хабалка, крикливая скандалистка, чума для соседей, но это к делу не относилось, она могла быть какой угодно. Она не убийца... во всяком случае, вряд ли.

– Что вы знаете о жильце?

– Он приезжий, вроде за границей жил, говорил, работал по компьютерам, этим... программистом! Вроде в Чехословакии, ага. Вернулся, говорил, надоело, народ неприветливый,

одни жлобы, за копейку удавятся, менты... в смысле полиция всюду лезет, ни посидеть нормально, ни погулять... Он там тоже снимал, комнату, а у меня за те же бабки вся квартира. Вот он и вернулся.

– Он работал?

Она нахмурилась.

– Нет вроде. И задолжал за два месяца. Говорил, вот-вот устраюсь, уже есть хорошее место, чтобы я сердце не рвала... ага. Я и пришла, звоню-звоню, а он не открывает. У меня есть ключ, но я ж хотела по-людски, а он не открывает...

– Во сколько это было?

– Часов? Наверное, десять с минутами. Он еще спит в такое время, он рано не встает, я с утрачка, чтоб застать. А дверь-то была открытая, как сквозняк дунул, она и щелкнула. Я еще подумала, что он забыл запереть, охламон, так весь дом вынесут, засакакиваю, а тут везде свет горит, бегу в кухню, никого нету, в залу, тоже никого, в спальню, а он там... я чуть умом не тронулась! Стою, глазам своим не верю! В страшном сне такое... мамочки родные! Сердце выскакивает! Голый... ну совсем без ничего, привязанный... как в кино, и смотрит в угол. И красный свет... торшер горит. – Она прижимает ладони к щекам. – Век не забуду! Стою, как прикипела, а потом вдруг повело, я хватаюсь за дверь, чувствую, сердце останавливается... Кое-как я оттуда ходу, в зале достаю телефон и ну вам звонить... а сама слушаю, а вдруг он там шевелится... а потом меня как по голове хватило, а вдруг кто живой есть в квартире, я ходу оттуда! Вас на лестнице дожидалась...

– Где его документы?

– В серванте должно, больше нигде... достать?

– Мы сами. – Он кивнул парню в черной куртке; тот стал вытаскивать ящики серванта и рассматривать содержимое. Взяв за уголок паспорт, он передал его майору. Тот перелистнул. Леонид Семенович Краснов, тридцать пять, местный уроженец.

– Девушки к нему ходили? – спросил майор Мельник. – Или парни?

Женщина, раскрыв рот от напряжения, всматривалась в бесстрастное лицо майора.

– В смысле, гулянки? Не было ничего такого! Соседка Анюта, моя давняя подруга, говорила, тихо, пристойно. Приходила девушка... – она понизила голос до шепота, – на ночь! Ну, пришла и ушла. Тихо, ни музыки, ни криков... знаете, как бывает! У меня знакомая сдает, так они, охламоны, чего удумали...

– Галина Андреевна, вы сказали, задолжал за квартиру, так? – Она кивнула и облизнула губы. – Значит, сначала платил, а потом перестал, и не работал, вы сказали.

– Ну да! Говорил, вот-вот *заплотит*, ага. Может, нашел работу, не скажу, не знаю. Я ему говорила, ты бы, Леня, делом занялся, специальность у тебя есть, а он говорит, будь спок, тетя Галя... он меня тетя Галя называл, прикалывался вроде, а я его племянничек, будь спок, говорит, уже пошла карта...

– Он играл?

– Да нет вроде, я сама подумала, спрашиваю, ты чего, дурачок, в карты играешь или, не дай бог, в этом... в казино? Смотри, без штанов останешься. А он – никогда не играл и не играю. Я, говорит, в жизнь играю. Во как!

– Что он имел в виду, не знаете?

Она пожимает плечами.

– Да он вообще много чего говорил, всего и не упомнишь. Дурачился. Может, жениться надумал, а чего, парень видный и чисто себя содержал, вон, сколько всяких шампуней да лосьонов в ванной, чисто девка.

– То есть он был холост?

– Штампа нет, я смотрела. Я всегда смотрю, с женой оно бы поспокойнее, да очень Боря просил... Крючков. Я и взяла, хоть и холостой. От холостых одни хлопоты, вот помню как-то...

– Как зовут соседку? – снова перебил майор.

– Анюта. Анна Савельевна Топорова, восьмая квартира, ага. – Она даже рукой махнула в сторону двери для наглядности. Она уже пришла в себя, страх ушел, появилось возбуждение, на щеках вспыхнул кирпичный румянец; она поминутно облизывала сухие губы и утирала пальцами уголки рта.

Майор Мельник посмотрел на помощника, и тот выскользнул из комнаты. Соседка, низенькая рыхлая тетка средних лет в цветастом халате, с розовыми бигуди на голове, вошла с опаской, встала на пороге.

– Добрый день, Анна Савельевна. Садитесь. Я...

– Галя, что случилось? – простила соседка. – Пришел... – она кивнула на оперативника, – говорит, прошу к соседям, побыстрее, я в халате как была...

– Леню нашего убили! – закричала Галя, скривив рот, и зарыдала.

– Черт! – пробормотал майор Мельник. – Слава, принеси воды!

– Как убили? – Соседка схватилась за сердце. – Леню? Кто? Когда? Ограбили?

– Анна Савельевна, сядьте! – майор повысил голос. Он хотел добавить: – Прекратить балаган! – но усилием воли сдержался.

Ничего нового от соседки они не узнали.

Леня был хороший, веселый, помог однажды занести сумку, вкрутил лампочку в коридоре, починил замок, никого не водил, не шумел, заскочил одолжить соль, два раза, забыл купить. Была девушка, молодая... из этих! Вздернутая красноречиво бровь и короткая пауза. Намазанная и почти голая, голос хриплый и духами всю площадку провоняла.

– Я еще подумала, приличный парень... утром позвонила Гале, помнишь? Притона нам тут еще не хватало! Один раз. Я ему на другой день, ты что же такое творишь, парень, да на ней же клейма негде ставить! А болячку какую подхватишь, а? А он зубы скалит, говорит, это сестра друга, пришла за книжкой. За книжкой! А то я не вижу.

– Анна Савельевна, а мужчины к нему не ходили? Никого не видели? Друзья, может.

– Мужчины? – Она задумалась. – Был! Был один! Высокий, рожа бандитская, голова бритая, черная, а морда, наоборот, небритая. Тоже черная! В черной кожаной куртке. Как сейчас помню, я еще подумала, ну, чистый бандюк. Сказала Леньке, ты, говорю, аккуратнее с дружбанями, а то ограбит, и код от подъезда не давай. А он обратно зубы скалит, не бойсь, тетя Аня, этот не ограбит. А самого, вишь, убили.

– Это Боря Крючков, – подала голос Галина Андреевна. – Я его знаю, он мухи не обидит.

– Бармен из «Белой совы»? – уточнил майор Мельник.

– Ага, я ж говорила, это он попросил сдать квартиру, я уже хотела ему звонить, что жилец не платит...

– Анна Савельевна, вы что-нибудь слышали ночью?

Она наморщила лоб.

– Нет, – сказала с сожалением. – Хотя... был звонок в дверь вроде...

– Во сколько?

– После двенадцати, я уже спала... думала, приснилось.

– Постарайтесь припомнить. Может, голоса, возня, шум.

Она уставилась на потолок, приоткрыла рот.

– Вроде голоса были... вы сказали, я вроде теперь припоминаю. Точно! Голоса! Ленькин и еще...

– Голос женский?

Она снова задумалась.

– Мужской вроде, – сказала наконец. – Точно, мужской. Или... вроде как вскрик... знаете, встретились, по спине друг друга хлопают, гогочут. Вроде мужской... это что же тогда получается?

Галина Андреевна ахнула и прикрыла рот рукой. Майор Мельник и оперативник переглянулись. Резкий аккорд бравурной мелодии заставил их вздрогнуть.

– Его мобильник, – пробормотала Галина Андреевна. – Господи! – Она перекрестилась...

Глава 4

Сострадание и гуманность, а также по делу

Добродеев побежал открывать. Монах, сообразивший, что добежать до дивана ему не удастся, остался стоять у кухонной двери. Он поправил пучок волос на макушке и одернул футболку. Огладил бороду. Тут же зачесалось под левой лопаткой, и он, изогнувшись, почесался о дверной косяк. Ему пришло в голову, что он отвык принимать женщин у себя дома, стесняется своей громадной ноги, костылей и... и... вообще. Кроме того... черт, кажется, не умывался сегодня. Ну, Лео, погоди! Не мог предупредить заранее. Будь проще, тут же одернул себя Монах, соберись. Женщины всегда ценили в тебе силу духа, уверенность в завтрашнем дне и умение понять. Нам всем кажется, что нас не понимают... Нас действительно не понимают, фразы, сказанные или подуманные о нас: «Что эта идиотка мелет?» или: «Он что, совсем охренел?» стали расхожими, но у всякого внимающего индивидуума есть выбор: либо сказать, что думаешь, либо соврать: «Ах, как я вас понимаю!» Второе предпочтительнее, людям нравится позитив. Ну и дайте им позитив, жалко, что ли?

– Олег Христофорович, дорогой! – вскричала появившаяся на пороге блондинка, бросаясь к нему и заключая его в объятия. – Слава богу, вы живы! Я места себе не находила, вы даже не представляете! И главное, понятия не имею, где вас искать. Звонила в полицию, они сказали, что адресов не сообщают, сказали, позвонить в больницы и морги или в адресное, а я же ничего о вас не знаю! Я лепечу, почему в морги, он же живой... А потом сообразила позвонить в газету и попросила господина Добродеева... вспомнила, как он представлялся полицейскому. И тут вдруг он сам звонит! И вот я здесь.

Монах затаил дыхание; у него зачесалось в правом ухе – срезонировал ее высокий голос, а прекрасные пушистые завитки защекотали нос. Черт! Ну, Лео, погоди! У него даже слезы навернулись, так чесался нос. Гостья оторвалась от Монаха и воскликнула:

– Не плачьте, Олег, а то я сама сейчас расплачусь! Поверьте, все будет хорошо.

Добродеев рядом приятно улыбался. Около него стояла неизвестная молодая женщина. Монах уставился на нее во все глаза. Интересная складывалась ситуация – он разглядывал незнакомку, находясь в объятиях другой женщины, и при этом мечтал почесать нос. Стареем, мелькнуло в голове. Незнакомка была небольшая, тонкая, со светлыми волосами, стянутыми в хвост на затылке. Лицо у нее было очень серьезное, брови слегка нахмурены; была она не накрашена, в черном платье, что составляло разительный контраст с яркой и шумной Мариной.

– Это Диана, моя подруга, – сказала Марина, отрываясь от Монаха. – Ничего, что мы вместе? Диночка, это Олег Христофорович!

Девушка кивнула; Монах протянул руку, она протянула в ответ свою. Рука у нее была маленькая и сильная.

– Можно Олег. Очень рад, Диана. Добро пожаловать. Правда, я не в лучшей форме. Знаете, если бы не ваша подруга...

– Это правда, что вы ясновидящий? – спросила Диана, разглядывая Монаха. Тот втянул живот; смотрел на Диану, все еще приобнимая Марину – поверх ее плеча.

– Скорее, экстрасенс, – поспешил Добродеев. – Сумасшедшая интуиция. Сайт видели?

– Леша преувеличивает мои скромные возможности, – сказал Монах. – Газетчики – известные... э-э-э... – он запнулся, – такие пули отольют, что только держись. Такие, право... фантазеры. – Последнее слово прозвучало как ругательство. – Прошу в гостиную, девушки!

Он пропустил девушек вперед и бодро заскакал следом. Добродеев убежал на кухню.

Марина крикнула ему вслед:

– Женская рука нужна?

– Очень нужна! – закричал Добродеев из кухни. – Всегда нужна!

– Бегу! – Марина побежала из гостиной. Монах и Диана остались одни.

– Прошу вас! – Монах повел рукой в сторону дивана и тут же покачнулся, потеряв равновесие. Диана вскрикнула, бросаясь к нему, ухватила за плечо. Монах оперся спиной о стену, с трудом удерживаясь на ногах. Пробормотал: – Диана, вы меня спасли! Вам бы лучше отойти... на всякий случай.

– Я сильная, не бойтесь! Вам нужно прилечь, Олег. Держитесь за меня.

Они доковыляли до дивана, и Монах с облегчением опустился между подушек, откинулся на спинку, закрыл глаза. Он слегка переигрывал, делая вид, что смертельно болен, причем и сам не понимал, зачем. Возможно, ему хотелось понравиться Диане, возможно, он чувствовал ее неуверенность и напряжение, и ему хотелось ее переключить.

Оправдывая свое реноме экстрасенса, Монах чувствовал, что их визит не просто визит вежливости – и сайт они читали, и присматривается Диана к нему, и Марина убежала, оставив их наедине. Короче, как любит говорить друг детства Жорик Шумейко, какого рожна им надо?

– Это хорошо, что его задержали, многих никогда не могут найти, – вдруг сказала Диана.

Монах не сразу сообразил, что она имеет в виду сбившего его водителя.

– Это счастье, что вы живы. – Она смотрела на него немигающими серыми глазами, очень серьезно, сочувствуя. Ее бледное лицо было сосредоточено, брови нахмурены; Диана смотрела на него и в то же время словно прислушивалась к чему-то или кому-то, к голосам, которые были слышны только ей.

– Что у вас случилось, Диана? – спросил Монах и похлопал около себя ладошкой: садись, мол, в ногах правды нет.

Диана опустилась на диван рядом с Монахом.

– Марина говорит, вы волхв. Это правда?

– Как вам сказать... – Монах сделал вид, что смутился. – Леша очень высокого мнения о моих скромных способностях.

– Так вы не волхв? – Она смотрела на него в упор, и он подумал, что глаза у нее странного фиолетового цвета... аметистовые. И в то же время серые.

– Волхв, только это между нами.

Он добился того, что она улыбнулась. Но глаза оставались настороженными, и он повторил:

– Так что же у вас стряслось?

Он хотел добавить, кто умер, но удержался, подумав, что шутка может оказаться пророческой. Тем более она в черном... траур? Или просто любимый цвет? Вообще, странноватая девушка... взгляд напряженный, реакция замедленная, отсутствует готовность рассмеяться шутке... взять Марину! Подруги, а такие разные. Пришла в гости к незнакомому человеку... она не из тех, кто с готовностью ходит в гости к незнакомым людям... мужчинам. Он попытался представить, чем она занимается... Учительница? Воспитатель в детском саду? Дрессировщица мелких животных? Ящериц? Почему ящериц, интересно? Немигающий взгляд и скудность в движениях. Она словно застывает, в упор разглядывая собеседника. Врач? Сиделка? Спокойная, немногословная, внимательная. Манера рассматривать... долго смотреть, запоминая мельчайшую деталь, всякий мелкий штрих, переносить на бумагу, часто повторяя рисунок... орнамент? Декорум? Терпение, сосредоточенность... Вышивальщица? Дизайнер... одежда или украшения? Рисовальщица? Иллюстратор? Горячо!

– Вы художница? – вдруг спросил он.

– Я? – она опешила. – Откуда... как вы догадались? Марина сказала?

– Я же волхв, забыли? С Мариной я не общался с того самого рокового дня.

– Значит, это не шутка?

– Какие уж шутки. И вообще, мне две тысячи лет. Я вас слушаю, Диана. Кстати, вашему имени три тысячи лет. Очень старое имя, что налагает определенные обязательства...

– Я читала. Энергичная, жизнерадостная, светлая... это не про меня.

– Это общие слова, они ничего не значат. Диана – охотница, ее невозможно сбить с пути, она идет до конца. Это характер. Вы не увлекаетесь альпинизмом?

Она снова улыбнулась и покачала головой.

– Я вас слушаю, – повторил он.

– Убили моего друга... – сказала она.

Монах молчал, ждал. Тишина прерывалась далеким смехом Марины и рокочущим басом Добродеева.

– Ко мне приходил следователь, допрашивал. Они нашли меня по мобильному телефону. Я позвонила, а ответил этот человек, майор Мельник...

– Майор Мельник! – воскликнул Монах.

– Вы его знаете?

– Знаю. Мы с Добродеевым оба его знаем, пересекались. Дельный товарищ. Вы сказали, убили...

– Убили. Понимаете, это просто... нелепость, у него никого здесь не было, он в городе недавно. Последние несколько лет жил за границей, приехал меньше полугода назад...

– Вы знали его раньше?

– Нет, мы познакомились через Интернет, случайно, я увидела его страничку на сайте знакомств... Знаете, иногда любопытства ради просматриваю. У Леонида хорошее чувство юмора, теплое, мягкое... Его зовут Леонид... звали. Рассказала Марине, она настояла, чтобы я ему позвонила. Ну, я позвонила, а он предложил встретиться. Я пригласила его к Марине, хотела, чтобы она на него посмотрела. В смысле, в ее бутик. Он в Мегacentре, легко найти. Я все равно собиралась занести ей шарфы...

– Шарфы? – удивился Монах. – Вы вяжете шарфы? Вы модельер одежды?

Она улыбнулась.

– Я их не вяжу, я их расписываю. Работаю в манере тайского батика, закончила там школу. Но их дизайны и краски слишком яркие, у меня свои. Я просто использую их технологии.

– Никогда не видел росписи по шелку, хотя бывал в тех краях.

– Мужчины не обращают внимания на такие вещи.

– Согласен. И этот молодой человек... он молодой, не так ли?

– Ему за тридцать, не знаю точно, не спрашивала.

– Все-таки, почему у Марины? А не где-нибудь на нейтральной территории?

Она порозовела. Сказала после паузы:

– Я подумала, пусть он посмотрит на Марину...

– Зачем?

– Она многим нравится...

– ...в отличие от меня, – мысленно закончил Монах и сказал: – Тест? Подумали, что он клюнет на Марину и вопрос знакомства снимется?

Она слабо улыбнулась:

– Тест. Он был веселый, шутил... Марина толкала меня локтем, она все время пытается свести меня с кем-нибудь... Он мне понравился, хорошая речь, никаких словечек... вы понимаете?

Монах кивнул.

– То есть вы стали встречаться?

– Не сразу. Он проводил меня домой и позвонил только через несколько дней... – Она замолчала, и Монах подумал, что она сейчас заплачет.

– Что же с ним случилось, Диана?

– Леонида убили в его квартире. Ночью, как я поняла. Вечером мы ужинали в «Белой сове», Леонид предложил остаться на программу, она начинается в одиннадцать, но я устала, и мы ушли. Он проводил меня домой, сказал, что хочет кофе или чай... – Она запнулась. – И я все время думаю... если бы я пригласила его к себе, то ничего бы не случилось... я испугалась, понимаете? Марина говорит, что я несовременная, что так нельзя, мужчины сейчас избалованы, что нужно уметь удержать...

– Марина замужем? – спросил Монах.

– В разводе. Она говорит, что я неправильно себя веду, что я... – Она махнула рукой. – У него кто-то был поздно вечером или ночью... он снимал квартиру. Они спрашивали про него, как долго мы встречались, что я вообще о нем знаю, кто его друзья, есть ли семья... Оказалось, я ничего о нем не знаю. Нам было хорошо вместе, мы говорили о путешествиях, он рассказывал про Словакию, он жил там несколько лет, был управляющим в большом отеле. Никогда не говорил о семье...

– Диана, а у вас есть семья?

Она покачала головой. Сказала после паузы:

– Никого не осталось. Мама умерла полтора года назад, инсульт. Брат в Бразилии, сестра работала в нашем йога-центре... – Диана запнулась. – Она умерла четыре года назад.

Они помолчали.

– А друзья у вас есть? – спросил Монах. – Подруги? Марина, как я понимаю, скорее деловой партнер.

– Ну... мы дружим, но...

– Вы очень разные.

– Да. Она очень хорошая, добрая, всегда поддерживает меня, пытается вытащить на люди. Но она... другая. Я не знаю, что теперь делать. Леонид мне нравился, я чувствовала, что он меня понимает... Он не торопил меня, понимаете? Он тоже немного старомодный...

– Вы бывали у него дома?

– Нет, он меня не приглашал. Я знаю, что он снимал квартиру в новостройках, говорил, что это временно, что присматривает хороший район, хочет купить что-нибудь приличное. Мы встречались в городе, бродили по парку, сидели в кафе... я подарила ему шарф... в наш последний вечер. Я теперь думаю, лучше бы я пригласила его... просто удивительно, насколько жизнь иногда зависит от совершенных мелочей. Может, тогда ничего бы не случилось. Я не понимаю, что это, почему... он не был богатым, искал работу, то есть вряд ли грабеж... У него друг в «Белой сове», он оставил нам столик. Они когда-то работали вместе, но я его никогда не видела. Я подумала, если квартира съемная, то может, пришли не к нему... он там всего несколько месяцев. Может, искали прежних жильцов...

– Как его?..

– Они не сказали. Просто сообщили, что Леонид убит. Я не поверила. Мы виделись только вчера, разве может так быть? Я не знаю, что думать. Может, вы что-нибудь узнаете? Вы же экстрасенс...

– Вы верите в сверхъестественные силы?

– Нет. Никто не верит, пока все хорошо, а потом уже и не знаешь, во что верить, хватаешься за соломинку. Он был хороший, добрый, это чувствовалось, не нахрапистый, ничего не требовал. Не рассказывал пошлых анекдотов, вообще, говорил мало, с ним было... уютно, понимаете? С ним было уютно молчать.

– Он интересовался вашей семьей?

Она пожала плечами.

– Как-то зашла речь, я сказала, что живу одна, что мама умерла... он ни о чем больше не спрашивал. Он был... – Она запнулась, не найдя подходящее слово. Монах выжидающе

молчал; у него было чувство, что с ней нужно быть осторожным как с птицей, а то она улетит; или с фарфоровой статуэткой, которую страшно взять в руки. – Он был... деликатный и надежный. – Она наконец нашла слова. – В нем чувствовалась сила, он не суетился, не пытался понравиться, ни на чем не настаивал...

«Ни на чем не настаивал...» Ну что ж, это, пожалуй, добродетель по теперешним временам. Добрый, надежный, сильный, ни на чем не настаивающий... этой девушке повезло. Тут он вспомнил, что Леонид убит, и с трудом удержал ухмылку. Некрасиво, конечно, но Монах, как известно, был циником, для него смерть просто переход в другой формат. Одинок, без семьи, без обязательств, не суетился, прекрасный слушатель... именно такой, какой ей нужен. Просто удивительно, что эти двое нашли друг друга. Они совпали зубцами как две шестеренки. И еще он подумал, что ничем хорошим их близость не могла закончиться... хотя, с чего бы это? Мало ли подходящих людей сталкиваются случайно, а потом живут и радуются? В чем дело, спросил он себя. Черт его знает... ему было трудно представить парня, подходящего по всем статьям этой несмелой одинокой девушке без семьи и друзей, художнице по шелку, домоседки. Чуткого, немногословного, тактичного, без всяких дурацких словечек и пацанских анекдотов. Это был союз, задуманный на небесах, не иначе. И вдруг такой облом. Его, кругом такого положительного, убили. Приличных парней не убивают, ну разве что кирпич упадет на голову или троллейбус наедет. В случае Леонида не было ни кирпича, ни троллейбуса. Его убили дома, ночью. Кто-то пришел и убил. Он открыл ночному гостю дверь, возможно, они обнялись, похлопали друг друга по спине; кто-то из них сказал ритуальное: «Сколько лет, сколько зим!» Потом хозяин поставил на огонь чайник, достал вино, стали вспоминать... И тот его убил. Интересно, как. Ножом? Ядом? Молотком? С какой стати? Чего-то не поделили. Старые долги и обязательства. Леонид отсутствовал несколько лет... скрывался? Он вернулся, тот его выследил и пришел. Леонид открыл дверь... Стоп! Необязательно открыл. Возможно, убийца попал в квартиру с помощью отмычки или... у него был ключ – возможно, убийца – прежний жилец, оставивший на память ключ. Если не старые долги, то что? Он пришел... зачем? Ограбить? Ночью? Грабят днем, безопаснее для грабителя, днем злоумышленник меньше бросается в глаза. Ночью всякий звук усиливается до громового раската. Да и не похоже, что было что грабить.

Монах так задумался, что совершенно забыл о Диане, и, случайно наткнувшись на ее внимательный взгляд, вздрогнул.

– Вы что-то увидели? – спросила девушка.

– Пока нет. – Монаха позабавил ее вопрос, видимо, она поверила, что он волхв. Или пребывала в том состоянии, когда хватаются за соломинку. – Просто попытался представить себе, что там произошло. Кстати, когда это случилось?

– Двадцать пятого августа, три дня назад.

– У вас есть его фотография?

Она вспыхнула:

– Есть! Нас снял в парке случайный прохожий, Леонид попросил... – Она потянулась за сумочкой.

Монах некоторое время рассматривал фотографию на экране мобильного: некрупный приятной и неброской внешности парень и улыбающаяся Диана, плечи их соприкасаются. Славная пара...

Он вернул ей мобильник.

– Кстати, какой у него ник?

– Бард.

– Понятно. А у вас?

– Селена.

Монах кивнул – красиво. Спросил:

– То есть он вам сразу понравился? Чем?

Диана чуть порозовела.

– Он говорил о себе, как о машине. Это было забавно.

– О машине? Как это?

– О машине. Это шутка. Выпуск такого-то года, корпус обычный, мотор, фары...

– Вы водите машину?

– Нет. Мой брат был автогонщиком, всегда говорил о машинах.

– Понятно. Диана, чего вы хотите от меня?

– Я хочу узнать, что произошло. Кто его...

– У следователя больше возможностей, тем более я, как видите... – Он кивнул на громадную ногу в гипсовой упаковке. – Как баржа, севшая на мель.

– Они ничего мне не скажут, они не сказали даже, как его убили, я схожу с ума... Мне плохо, понимаете? Я перестала спать, лежу, прислушиваюсь, представляю, как его убивают... Вздрагиваю от всякого шороха, повторяю: это неправда, этого не может быть, я сейчас проснусь... Марина говорит, никого они не поймают, а через месяц закроют дело, тем более Леонид вообще не из нашего города. Я хочу знать!

– Зачем?

– Но ведь человека убили! – воскликнула она, вспыхнув. – Его не за что было убивать, у него не могло быть врагов! А вы... даже если баржа, вы же головой думаете, в смысле, подсознанием, нога ни при чем. У вас же всякие видения и вещие сны – Леша рассказывал Маришке... он много чего рассказывал про вас. И потом... мне страшно! Если они следили за Леонидом, то видели нас вместе. Я хочу, чтобы этот кошмар закончился, иначе... – Она сжала кулаки.

– Вы думаете, вам что-то угрожает?

– Я не знаю, что думать! Но я перестала выходить из дома, понимаете? Не могу заставить себя. Маришка приносит поесть. Мне стыдно, но я ничего не могу с собой поделать.

Они помолчали.

– Диана, я попробую, честное слово, – сказал наконец Монах. – Но понимаете, иногда словно заслон опускается, все скрывается в мутном тумане... и тут уж ничего не поделаешь. Тем более моя нога... моя чертова нога!

– В мутном тумане... – повторила она заворуженно. – Но вы же сможете... через туман?

Монах подумал, что сейчас она скажет: «Вы же волхв!», но она больше ничего не сказала, только смотрела на него своими лиловыми глазами, в них были страх и ожидание. Он снова подивился удивительной статике ее облика – не то застывшая ящерка, не то статуэтка из слоновой кости. Он хотел пошутить, сказать что-то вроде: «Никогда не видел ручной росписи по шелку, подарите шарфик на память?», но не решился – что-то было в ее взгляде, что не располагало к шуткам, даже самым невинным.

– Смогу, – сказал он. – Даже не сомневайтесь, Диана.

– У него никого не было, я хочу хоть что-то сделать для него. Я хочу его похоронить...

Стиснутые губы, светлые сведенные брови, немигающий взгляд, стиснутые кулаки. Стиснуты так, что побелели косточки. Изменившая своей обычной сдержанности, с красными пятнами на скулах, полуоткрытым ртом и напряженным взглядом. Он представил, как она стоит у могильной ямы, так же стиснув губы и пальцы, уставившись не мигая на бледное лицо усопшего, а вокруг венки с черными лентами, люди в черном и пахнущий страшно и надрывно холм свежeverытой земли. Как же, интересно, его убили?

Появившийся на пороге Добродеев пропел басом:

– К столу! Зовет уж колокольный зво-о-он к столу!

И они вздрогнули...

...Добродеев был в ударе! Он сыпал цеховыми журналистскими байками, зачитывал по памяти письма читателей, рассказывал о подземных пещерах, где пропадают туристы и водятся

привидения. Марина хохотала, ахала, пугалась... После шампанского она покраснелась, светлые кудряшки растрепались, она поминутно всплескивала руками и вскрикивала. Монах с отвращением глотнул шампанского и теперь грел бокал в ладонях, мечтая о холодном пиве. Диана отпила немного и сидела, не принимая участия в разговоре. Монаху подумалось уже в который раз, что каждый умирает в одиночку – прав был тот, кто это сказал. Диана осталась одна со своим горем. Они иногда встречались взглядами, и она слабо улыбалась, а он подмигивал, хотя всегда считал, что подмигивать женщинам моветон. Ему казалось, что между ним и этой странноватой девушкой установилась некая связь, протянулась ниточка симпатии и доверия; а еще ему казалось, что она носит в себе некую тайну, что есть странно и неестественно в наш век открытости и душ нараспашку. Несмотря на знакомство с изнанкой жизни, на умеренный цинизм и наплевательское отношение к нормам и правилам этикета, на готовность поступать согласно собственному представлению о равновесии и порядке вещей, а также переступить через закон и даже некую аморальность или вернее *надморальность*, где-то внутри Монаха сидела рыцарственность по отношению к женщине... причем он об этом даже не подозревал. Назовем это заезженным термином «романтизм». Старомодный неуместный глупый романтизм... тьфу! Монаха можно сравнить с рыцарем, который в компании товарищей рассказывает неприличные анекдоты и бравирует любовными похождениями и тут же вызывает на дуэль негодяя, задевшего честь дамы. Или хотя бы бьет морду. С чувством, похожим на ревность, он пытался представить этих двоих рядом, их разговоры; в их последний вечер она подарила ему шарф... Не вульгарный лосьон после бритья или рубашку, а шелковый, расписанный собственноручно шарф! Ему, Монаху, никто никогда не дарил шарфов. Нет, впрочем, дарили, одна из жен – вязаный оранжевый шарф и такие же носки. Да еще Анжелика подарила дикой расцветки свитер, который Монах надел пару раз из вежливости. Но разве можно сравнить вязаные шерстяные оранжевые носки и шарф, который он так ни разу и не надел – соврал, что не смеет употреблять втуне такую красоту, – с шелковым авторским шарфом с необыкновенной росписью? Интересно, что там – цветы и плоды или космос и знаки Зодиака? От такой девушки, как Диана, похожей одновременно на хрупкую статуэтку и застывшую ящерицу... оливкового цвета с лиловыми глазами? Так он ее видел: статуэтка или ящерица с лиловыми глазами. Очень странный взбрык воображения... статуэтка еще туда-сюда, а вот ящерица... однако! Наверное, от сладкого шампанского. Или от плачевного состояния, связанного с ногой... Эх, пивка бы сейчас!

Одним словом, испытывал Монах к жертве что-то сродни ревности – тут и шарф, и необыкновенная девушка Диана, и нахальство, – вцепился мертвой хваткой, даже на Марину не среагировал, альфонс! Почему, спрашивается, альфонс? Черт его знает, почему. Так он его видел. Добавить сюда ногу в гипсе, ощущение себя баржей, севшей на мель, а еще сладкое шампанское... короче, было Монаху тревожно и неудобно, и поднималось уже из глубин мутное и невнятное чувство опасности... Хорошо, что она сидит дома и никуда не выходит!

...Доброее отправился провожать девушек, а Монах остался дома, проклиная свою несчастную ногу и чувствуя себя брошенным сиротой. Он представлял, как Доброее вьется мелким бесом вокруг Марины, поглаживает плечико, берет за ручку, как они гуляют по ночному городу, потом отводят домой Диану, а потом... Чертов Лео! Ну, погоди, журналюга!

Он вспомнил, как Марина расцеловала его на прощание и пообещала забегать, Диана улыбнулась слабо и кивнула; он понял это как: «Я *надеюсь на вас и верю*» – и тоже кивнул в ответ. Ниточка, натянутая между ними, стала осязаемее, похоже, они стали заговорщиками, понимающими друг дружку с полувзгляда. Так ему казалось...

Глава 5

Оперативное совещание, а также ночной треп о жизни

Дверной звонок выдернул Монаха из неверного еще полусна-полуяви. То есть он сразу и не понял, что звонили в дверь, и стал прислушиваться. Звонок больше не повторился, и Монах решил было, что ему приснилось. Но тут заскрежетал ключ в замочной скважине, и Монах проснулся окончательно. Вопрос «кто» не стоял: ни Жорик, ни Анжелика не будут шляться по гостям ночью – часы показывали начало третьего, – и Монах понял, что ночным посетителем был никто иной, как Добродеев, которого распирала эмоции, и невтерпеж было поделиться.

Распахнулась дверь, в прихожей загорелся свет. Добродеев появился на пороге гостиной и спросил:

– Христофорыч, спишь?

– Уже нет, – буркнул Монах, присматриваясь к темному силуэту в неярком световом контуре. – В чем дело, Лео?

Добродеев включил свет, плюхнулся в кресло у дивана, на котором лежал Монах, закинул руки за голову и произнес мечтательно:

– Какая женщина!

– Ты меня разбудил, – обличающе заявил Монах.

– Брось, Христофорыч! Прекрасная летняя ночь, тишина, прекрасная женщина рядом... Жизнь продолжается, я это понял только сейчас! Мы молоды душой, мы стремительны, мы любопытны как дети! А ты говоришь, разбудил. Я понял, что молод, понимаешь? Я понял, что мы погрязли...

– ...и перестали лазить в окна, – буркнул Монах. – Знаю. Ну?

– В чем дело, Христофорыч? Что случилось?

– Что случилось? – завопил Монах, пытаясь сесть. – Ты спрашиваешь, что случилось? Разбудил, несешь всякую фигню, у меня сломана эта проклятая нога, и ты спрашиваешь, что случилось? Эта девочка попросила о помощи, а что я могу? Я даже выйти из дома не могу! Баржа на якоре! А ты вламываешься по ночам и распускаешь слюни о прекрасных женщинах. И сладкое тошнотворное пойло! До сих пор комок в горле, продышаться не могу. И овсяная каша! Задолбали! Все, хана! Отдай ключи! Хочу подохнуть.

Монах отвернулся к спинке дивана и закрыл глаза. Добродеев опешил, не сразу пришел в себя и сказал покаянно:

– Извини, Христофорыч, я же не знал... ну чего ты? Я думал, девушки тебя отвлекут, честное слово! Марина, Диана... а то ты чего-то раскис, я же хотел как лучше.

Монах не отвечал.

– Ладно, я пошел, – сказал Добродеев после продолжительной паузы. – Ключи оставлю на тумбочке.

Монах по-прежнему молчал.

– Пиво будешь? – спросил Добродеев с порога.

– Откуда в этом доме пиво? – с горечью отозвался Монах. – В этом доме только одна чертова овсяная каша!

– Я принес, в холодильнике. И копчущку. Будешь?

– Буду, – отозвался Монах после паузы.

– ...Что будем делать с убийством? – спросил Добродеев, отрываясь от кружки пива. Друзья сидели в кухне; через открытое окно вливался бодрящий ночной воздух. Монах чувствовал себя рыбой, которую снова бросили в воду. И холодное пиво!

– Думаешь, нужно? – спросил Монах, слегка кокетничая.

– Нужно, Христофорыч. Ты будешь мозгом операции, а я твоей ногой. Ты же заинтересовался, кроме того, Диана в тебя верит. Интересная девушка...

– Что сказала Марина?

– Марина... – Добродеев вздохнул. – Замечательная женщина!

– Это я уже слышал. Что она сказала про убийство?

– Кто?

– Марина!

– Почему ты думаешь, что мы говорили об убийстве? Нам было о чем говорить.

– Не свисти! Не было. Иначе ты бы сюда не заявился.

– Разве Диана не рассказала об убийстве?

– Рассказала. А теперь меня интересует, что рассказала Марина. Кстати, занимается убийством наш старый друг майор Мельник.

– Майор? – обрадовался Добродеев. – Считаю, повезло! Завтра же узнаю, что они нарыли. Марина сказала, что Диана неприспособленная, несовременная, шарахается от людей, и никого у нее никогда не было. Она пыталась знакомить ее со своими знакомыми мужчинами, но те не клюнули. Говорят, не знают, что с ней делать и о чем говорить. Поэтому она удивилась и обрадовалась, когда появился Леонид. Диана ничего ей не рассказывала, но она видела, что подруга счастлива. Она знает Диану три года. Ее мать умерла полтора года назад, а перед этим лежала два года после инсульта, и Диана за ней ухаживала. Мать была известной личностью, пела в нашей оперетте и пользовалась успехом у мужчин. Трое детей – сын и две девочки, все от разных любовников. Не мужей, а любовников. Сын – он был намного старше сестер – давно за границей, где-то в Бразилии, автомеханик, свой бизнес. Младшая сестра работала тренером, четыре года назад покончила с собой – выбросилась с балкона, говорили, несчастная любовь. Диана показывала ей дом, где это произошло – Космонавтов шестнадцать-шестнадцать, за городским парком. В итоге Диана осталась одна. Кто ее отец, она не знает. Других родственников у нее нет. Мать не особенно интересовалась детьми, у нее были другие интересы. Девочек воспитывал брат.

– Так я и думал, – сказал Монах после паузы.

– О чем ты?

– Альфонс. Твой Леонид – типичный альфонс. Не работал, снимал квартиру, клюнул на Диану, не приставал, не рассказывал дурацких анекдотов, не рвался в гости, не пытался распускать руки... э-э-э... ничего не пытался. У него даже машины не было. Хотя считал себя машиной, юмор такой. И на Марину ноль внимания.

– Почему альфонс?

– Потому. Закинул удочку и выжидал. Что у нее за квартира? Надеюсь, ты проводил ее домой?

– Мы с Мариной проводили. Хороший район, старый дом, три комнаты. Марина сказала, что любовники ее матери были влиятельными людьми, не скупилась.

– Что и требовалось доказать. Такая квартира стоит кучу денег, а тут одинокая барышня не от мира сего, пруха!

– Ты в последнее время страшный пессимист, Христофорыч. А если это любовь?

– Лео, не морочь мне голову! Здоровый голодный мужик, не имеющий ни кола ни двора, без денег, болтавшийся несколько лет неизвестно где и при этом неправдоподобно деликатный с влюбленной девушкой. Это же из жизни голубей! И шарф в придачу. Перестань думать о Марине и включи мозги. Если бы Леонид был ботаником или архивариусом, я бы понял, но этот проходимец не ботаник или архивариус. Искатель приключений на сайте знакомств, может, она не первая. И вообще...

– Какой шарф? – перебил Добродеев.

– Какой? Она подарила ему шелковый шарф, который сама расписала!

– Христофорыч, успокойся, мы же ничего о нем не знаем, – стал урезонивать друга Добродеев. – Завтра... сегодня я свяжусь с майором, тогда посмотрим. Еще по пивку?

– Давай. – Монах махнул рукой; он и сам не понимал, с чего так завелся.

– Хорошее пиво, – сказал Добродеев. – А тебе можно?

– Лео, не начинай! – взвился Монах. – Я что, умирающий, по-твоему?

– Я не хотел... – испугался Добродеев. – Нет, конечно. С чего начнем?

– Проклятая нога, – пробурчал Монах. – Разговори майора, скажи, у тебя есть информация про девушку жертвы, от нее ты в курсе убийства. Заинтересуй его. Спроси, что у них уже имеется. Версии. Что он за человек... был. Связи, друзья, свидетели. Наш или приезжий. Где болтался последние несколько лет. Может, их старый клиент. Будь коварен и кроток. Обойди майора. Мой длинный нос чует запах жареного. Не удивлюсь, если окажется, что нашей Диане повезло. Кстати, она собирается взять на себя его похороны.

– Благородное намерение, – заметил Добродеев.

– Благородное. Интересно, кому он перешел дорогу. Его не было несколько лет, не успел приехать, как его... – Монах щелкнул пальцами. – Я уверен, что Марина на него не клюнула бы. А вот Диана...

– Что-то в ней... – Добродеев запнулся. – Что ты о ней думаешь?

– Ты прав, Лео. И Марина права. Она другая. Марсианка. И какие-то вечные обломы по жизни: отец неизвестен, мать актриса оперетты, с утра до вечера тру-ля-ля, на детей ноль внимания, сестра покончила с собой, брат эмигрировал. Уход за матерью, прикованной к постели. Только появилась надежда, свет в конце туннеля, любимый человек, как его убивают.

– Что ты хочешь сказать, Христофорыч? – осторожно спросил Добродеев.

– Не знаю, крутится что-то... – Монах поскреб в затылке. – Есть люди, которые притягивают неудачи, Лео. В жизни любого человека неудач и удач примерно поровну, фифти-фифти, а здесь просто шквал. У нашей Дианы синдром неудачника. Причем неудачи преследуют как ее, так и ее окружение. Возьми сестру. Я боюсь за Марину. За нас я тоже боюсь.

– Надеюсь, ты шутишь! – воскликнул Добродеев. – Никогда не верил в подобную чушь. Ты серьезно?

Монах задумался.

– Не знаю, – сказал наконец. – Не хотелось бы. Все усугубляется ее... как бы это поточнее... Суди сам. Ты сказал, она не от мира сего...

– Это Марина сказала.

– Ладно, но ты же согласен? И я согласен. Не от мира сего, шарахается от людей, одинока, не умеет общаться. Манера застывать и смотреть не мигая, как ящерка...

– Как кто? – поразился Добродеев. – Ты сказал, ящерка? Диана ящерка? Этот странный пессимизм из-за ноги? Нога навеяла? Обычная девушка... не совсем обычная, но ничего странного я в ней не нахожу. Не забывай, что все художники ребята с большим прибабахом. А тут не просто художница, а роспись по шелку, да еще тайская школа. Марина говорит, она жила почти два года в Пхукете с тамошними людьми. Может, приняла буддизм, склонна к медитации, раздумывает о дизайнах, сочиняет, а ты сразу ящерка. Что с тобой, Христофорыч? Ты пугаешь меня своим пессимизмом.

– Сдаюсь. Нога навеяла. Ящерка в хорошем смысле. Ты, например, жеребец.

– Я жеребец? – Добродеев уставился на Монаха, не зная, смеяться ему или плакать. – Я жеребец? А ты кто?

– Я... – Монах пожевал губами, подергал бороду. – Я тяжеловоз.

– В смысле, лошадь? – уточнил Добродеев.

– Ну. Ты резво скачешь, даже газета твоя называется «Вечерняя лошадь», я же везу груз. Рабочая лошадь. А знаешь, кто Марина?

– Кто?

– Синица.

– Почему?

– Веселая, щебечет, пестрая, приятная. А Леонид крыса. Затаившаяся крыса. Диана не только ящерка, она еще статуэтка слоновой кости. Она статична, надолго замирает и не шевелится. Простодушна, наивна, не уверена в себе, но не шарахается, а застывает и смотрит. Марине нужны все, она любит толпу, крики, музыку, движение, шампанское, а этой нужен всего один, покой и тишина. Один или одна. У нее всего одна подруга. Они совпали, что говорит в пользу Марины. Она добрая. И то, что она спасала меня после аварии и плакала на меня, а потом пыталась разыскать... А вот почему она совпала с Леонидом... вопрос. Диана в смысле.

– Ты же его не знал! Нормальный парень, скорее всего...

– Во-во! Нормальный. Необыкновенная Диана и нормальный Леонид. Чего-то не хватает, Лео. Он даже очки не носил. Если бы только он был в очках! Это бы в корне все меняло. Запомни, нормальных парней убивают в драке, а его убили в его же доме. Пришли ночью, позвонили, он открыл, и его убили. Задолжал кому-то. Или месть. Очкариков так не убивают. Им кирпич падает на голову или... – Монах задумался. – Да мало ли! – Он махнул рукой.

– Еще пива? – Добродеев почувствовал, что еще немного, и он перестанет поспевать за крутыми взлетами Монаховой мысли.

– Давай.

Они выпили. Монах испустил глубокий вздох, чувствуя, что возвращается к жизни.

– Знаешь, Диана чего-то боится, – вспомнил.

– Боится? – встрепенулся Добродеев. – Чего?

– Она не знает.

– Ты думаешь, ей что-то угрожает?

– Вряд ли. Убийство, должно быть, навяло. Сестра, мать... одни смерти, причем трагические. И брат неизвестно где. Но с другой стороны... Ты не задумывался, откуда берется страх?

– Что значит, откуда берется? Страх это страх. Напугать человека проще пареной репы. Даже здорового психически. А уж трепетную девушку вообще пара пустяков. Ночные звонки, шипение в трубку, человек, идущий следом на улице, пристальный взгляд, перегоревшая лампочка, всякие шорохи, темнота, бессонница. Ты, например, ничего не боишься?

– Ничего. Я из тех, кто боится за кого-то. Поэтому я одинок. Одинок и свободен. – Монах подпер голову рукой, уставился на темное окно, пригорюнился. – Вот и выбирай: свобода, ощущение себя над толпой и привязанностями и, как следствие, одиночество, или толпа домочадцев, с которыми постоянно что-то случается. Я свой выбор сделал.

– Ага, если у вас нету тети. Поэтому ты все время сбегаешь в тайгу?

– Поэтому и сбегаю. Сбежал. А теперь я баржа на приколе. Теперь не сбежишь. Отбегался.

– Но это же всего-навсего нога! – Добродееву хотелось приободрить друга. – Через месяц... они говорят, через месяц будешь бегать. Ну, два. А там и весна не за горами, соберешь рюкзак и в пампасы. Под развесистую елку на берегу горной речки с танцующей форелью.

Монах издал протяжный вздох. Добродееву вдруг показалось, что друг сейчас расплачется.

– Жизнь продолжается, Христофорыч! – воскликнул он поспешно. – Нога – это ерунда, это испытание. Дань маленьким богам.

– Кому?

– Маленьким богам. Жертва. Маленькая жертва маленьким богам. Лучше им, чем что-нибудь серьезное серьезным богам, как с Леонидом.

– Да уж. Интересная мысль. Сам придумал?

– Не помню. Наверное, сам.

– Ага! Значит, теплое пиво, потерянный ключ, проколота шина – это все дань маленьким богам? Моя сломанная нога тоже?

– Да. Пусть лучше нога, чем голова. И проколота шина лучше, чем если бы угнали вообще. Согласен?

– Согласен, Лео. Спасибо. Извини...

– Да ладно, я же понимаю. Когда я валялся со сломанной ногой, я тоже рычал на всех и бросался. Все проходит, Христофорыч, пройдет и это. Давай на посошок, мне еще топтать и топтать.

– Оставайся, если хочешь.

– На полу?

– Жорик привез раскладушку, хотел навеки переселиться, чтобы внушать мне оптимизм. Еле отговорил. Возьми в кладовке. Не боишься?

– Класс! – обрадовался Добродеев. – Не боюсь, супруга у мамы. Твое здоровье!

Глава 6

Бросок

Майор Мельник отрывисто бросил, не здороваясь:

– Леша, не сейчас. Занят. Перезвоню.

– Подожди! – закричал Добродеев. – У меня информация по убийству!

– Слушаю, – тут же передумал майор Мельник.

– Убийство мужчины, имя Леонид, я знаком с его подругой Дианой и ее подругой. Кое-что есть. Сбежимся?

– Через тридцать минут у Пушкина, восемь минут.

– Лечу! – обрадовался Добродеев. – До встречи!

Но в трубке уже была тишина.

Когда Добродеев атаковывал майора Мельника на предмет информации, тот говорил, подумав: у тебя есть шесть минут, сейчас, у памятника Пушкину; или пять с половиной, там же; и что самое интересное, укладывался, при всем при том, что говорил мало и очень взвешенно. Памятник Пушкину был их явочной точкой рядом с райотделом, где он трудился, равно как бар «Тутси» был явочной точкой Детективного клуба толстых и красивых любителей пива.

Они сбежались у Пушкина ровно через тридцать минут. То есть Добродеев явился раньше, чтобы не терять времени, а майор Мельник прибыл в строго означенный срок.

– Привет, Леша! Ты один? А где путешественник? – так приветствовал журналиста майор Мельник.

– Попал под машину, лежит со сломанной ногой.

– Взяли, кто?

– Взяли, открыто дело. Монах в депрессии, на овсяной каше. Может, по пивку?

– Занят. Привет передашь. Слушаю тебя.

Добродеева хлебом не корми, дай поговорить и порассуждать, но с майором Мельником треп не проходит. Майор Мельник сам не треплется и другим не дает, с ним Добродеев усвоил телеграфный стиль общения.

– Я знаком с девушкой жертвы и ее подругой Мариной, у нее бутик в «Мегацентре», называется «Эксклюзив». Диана познакомилась с Леонидом через Интернет, ник Бард. Она одинока, сестра покончила с собой четыре года назад, мать умерла, брат в эмиграции. Говорит, жертва была замечательным человеком, добрым, порядочным...

– А что думает Олег? – перебил майор Мельник.

– Монах считает, что он был альфонсом.

– Почему?

– Неправдоподобно хороший, ничего себе не позволял, выжидал. Ни кола ни двора. Болтался неизвестно где. А Диана девушка состоятельная.

– Он прав. Леонид Краснов был брачным аферистом. Дважды привлекался, но потерпевшие забрали заявления. Пять лет назад ему пришлось уехать, были неприятности с братом потерпевшей, вернулся полгода назад, снял квартиру. Не работал, задолжал квартирной хозяйке.

– И все? Ни семьи, ни друзей, ни свидетелей?

– Друг, бармен из «Совы» ничего не знает и не понимает. Или не хочет говорить. Пока все.

– Может, брат потерпевшей? Из прошлого?

– Проверяем.

– Как его?..

Майор Мельник поднял на Добродеева испытующий взгляд, помедлил с ответом.

– Что? – сделал стойку Добродеев.

– Похоже, на любовное свидание...

– С Дианой?

– Нет. По-видимому, у него был мужчина. Последнее не для прессы, как ты понимаешь, исключительно по дружбе.

– Мужчина?!

– Я сказал, по-видимому. Они пили мускат «Оттонель». Все, Леша. Никуда не лезьте, береги Олега. Рад, что вам ничего не угрожает.

– В смысле?

– Куда же вы с тремя ногами! – Майор Мельник ухмыльнулся, пожал Добродееву руку и был таков.

Журналист смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за массивной дверью райотдела. Чувство юмора майора Мельника часто ставило Добродеева в тупик.

* * *

...А Монах меж тем с удовольствием шарил в сайте знакомств, погрузившись в *«увлекательное и захватывающее приключение и поиск любви на просторах Интернета»*. Он так увлекся, что совершенно забыл о собственном плачевном состоянии. Через полчаса примерно он понял главное: прекрасного пола больше раз в пять, чем мужского; девушки делятся на приятных и выпендренных, последние любят фоткаться с фантазией – шаловливо высовывают язычок, притворно дуют губы, хмурятся, покусывают пальчик или вообще в бикини; многие под никами; все свободны и не обременены детьми; врут насчет возраста... скорее всего, судя по фоткам; народ хочет разного: поговорить, найти свою половинку, дружбы, тепла и флирта; некоторые под витиеватыми девизами, например: *«Влюбиться в душу, не касаясь тела – талант!»*; или: *«Я восторгами сердце баюкаю...»* Крутая романтика. Или наоборот, с юмором: *«Не знакомлюсь, и даже не пишите!»* Или: *«Пошли вы все! Надоело!»*

Интересы – разброс страшный: от альпинизма до оригами. Собаки, грибы, кулинария, танцы, магия, туризм, стихи, йога, игры. Никто не собирает марки и не выращивает огурцы. И не делится прочитанным. Если коротко. Тут же тест на совместимость. В смысле, общие интересы. Впечатляли комментарии скептиков и энтузиастов. Некто под ником Лузер всех послал; другой – Фарго – сообщил, что нашел подругу жизни и счастлив до зеленых соплей. Монах хмыкнул, представив себе счастливого.

Он жалел, что никогда раньше не заглядывал сюда – в голову не приходило. А это же кладезь бесценного опыта для практикующих психиатров, в хорошем смысле. Он попытался представить, что написал бы о себе в случае чего. Возраст, имя... Имя? Ник. *Волхв*. Интересы? *Путешествия*. Фотку? Он задумался. Можно. Цель? Монах ухмыльнулся. Цель... какая же у него цель?

С фотками тоже прикольно, кстати. Можно свою, можно чужую, Джонни Деппа, например, можно свою, но в полусмазанном виде и с пририсованными усами.

Довольно быстро нашел он страничку Леонида, узнав по нику *Бард* и идентификации себя как автотранспорта с колесами и фарами.

«Коротко о себе: Марка – Бард, Год выпуска – средний, Масса – 75, Фары – карие. Привод – классический. Кузов – не битый, не ржавый, не гнилой. Тип топлива – низкоактановое: в основном сок, минералка. Иногда вино. Эксплуатация бережная.»

Что значит, *«привод классический»*? И *«эксплуатация бережная»*? Морду не бить? Не ронять на пол? Не грубить? Не гонять по бездорожью? Монах почесал в затылке. Странная фантазия, однако. Даже идиотская. Но сработала. Простенько, невзыскательно, незатейливо...

как грабли. *Tina* юмор. Но барышня клюнула. Неглупая, образованная, не наивная девочка... и клюнула. Безнадега? Или что? Какой нерв затронул *Бард* в Диане? Брат-автогонщик? Память о семье? Тоска по дому и семье? Усталость от одиночества? Надо будет спросить. Сообразить, как задать вопрос и вытащить. Побудительные причины или попросту пинок в нужном направлении диктуются подсознанием, и зачастую человек впоследствии не может объяснить внятно, как это он так лопухнулся. Только руками разводит и лепечет всякую чушь.

Он так увлекся, что не услышал, как отперли входную дверь, и вздрогнул от зычного голоса Добродеева:

– Как дела, Христофорыч? Живой?

– Леша! – воскликнул Монах. – Не ждал тебя так скоро. Дела хорошо, живой. Ты не представляешь себе, что это такое! Эти сайты знакомств. Это... нечто!

– Прекрасно представляю. Что значит, скоро? Уже четыре! Я заскочил к Митричу, он нагрузил меня своими фирмовыми и пивом. Тебе большой привет. Голодный?

Фирмовые бутерброды Митрича с копченой колбасой и маринованным огурчиком были местной достопримечательностью, побывать в городе и не попробовать фирменных Митрича – все равно что побывать в Ватикане и не потрогать Папу Римского.

– Собаку готов съесть! – Монах потер руки. – Митрич молоток. Майора видел?

– Видел! От него тоже привет. Сейчас доложусь. – Добродеев убежал в кухню. – Давай выползай потихоньку! – закричал уже оттуда. До Монаха донеслось хлопанье дверцы холодильника.

– Ну? – Монах наконец устроился за столом, определил ногу на табурет, прислонил костыли к буфету. – Что он сказал? Что им уже известно?

Добродеев достал высокие стаканы и поставил на стол блюдо с бутербродами.

– Ты был прав насчет Леонида.

– Альфонс?

– Почти. Брачный аферист. Несколько лет назад пришлось сбежать из города из-за брата одной из жертв, две другие потерпевшие забрали заявления.

– Я знал! Сразу почувствовал. Как его убили?

– У него был гость...

– Это мы знаем. Еще? Ты спросил, как его?.. Ножом?

Добродеев пожал плечами.

– Спросил. Оперативная информация, Христофорыч, разглашению не подлежит. Майор и так много сказал. Но мне показалось, он как-то двусмысленно ухмыльнулся, когда я спросил, как его...

– Ухмыльнулся? – переспросил Монах. – Любовные игры? Интересный поворот. Неужели любовник? – Монах задумался. – А я-то думал, выжидает и приучает жертву к себе, в смысле Диану, а у него, оказывается, другие интересы. Что еще?

– Разве он скажет! Общие фразы. Я сначала не понимал, с какого перепугу он согласился на встречу, а потом меня вдруг озарило!

– Пытается узнать городские сплетни насчет убийства, – сказал Монах. – Ежу понятно. Ты у нас кладезь.

– Именно! Так что это односторонняя дружба, сам понимаешь.

– Ты тоже пытаешься, так что вы квиты. Значит, ничего? Без нюансов? Как насчет языка жестов? Чесал нос, дергал бровями, шурился? Что учуял твой репортерский нос?

– Они сейчас проверяют связи жертвы, опрашивают соседей, квартирную хозяйку, друзей. Роют в архиве старые дела, копают глубоко. Кстати, его звали Леонид Семенович Краснов.

– Адрес? Надо бы поговорить с соседями и с хозяйкой.

– Откуда? Адреса нет.

– Но хоть что-то у нас есть? Ты должен был вывернуть его наизнанку!

– Он сам кого хочешь вывернет, – заметил Добродеев, разливая пиво.

Оба заворожено смотрели на ползущую кверху пену.

– Значит, ничего? – Монах взял стакан. Закрыв глаза, отпил. Утерся. – Ну?

Добродеев загадочно молчал.

– Лео!

– Кое-что есть. Зацепка! Маленькая такая зацепочка. Друг Леонида работает в «Белой сове» барменом.

– Имя!

– Издеваешься?

– Ладно, неважно. Найдем. За успех! – Монах приник к стакану. Допил и сказал: – Лео, вот мне по-человечески интересно, за каким расшибеном майор подкинул тебе бармена. Не скажешь?

– Ты думаешь? – удивился Добродеев, отставляя пустой стакан. – Почему подкинул, просто упомянул.

– Э, нет, мой юный друг, наш майор ничего не делает просто так. Наш майор – старый матерый лис. Можешь не сомневаться, что он вывел нас на бармена с дальним прицелом.

– С каким, интересно?

– Элементарно, Лео. Подтолкнуть! Это значит, что они в тупике. Признаться прямо мешает профессиональная гордость, а вот зайти из-за угла – очень даже. Ему нужен наш интеллектуальный потенциал.

Добродеев только вздохнул. Он ввязывался в безнадежное дело с одной целью – подбодрить Монаха, который на глазах терял свой обычный кураж, худел и впадал в пессимизм. И Марину он привел с той же целью, и сайт Монаховский ей подкинул – женщины любят всякую мистику, она теперь с Монаха не слезет, ах, экстрасенс, ах, волхв, ах тайны мироздания! А она привела Диану, у которой убили друга. Добродеев не ожидал, что его скромные потуги вызовут подобное извержение вулкана. Он думал, что Марина, добрая душа, будет забегать к Монаху, она ему нравится, он отгадет и пойдет на поправку, а он, Добродеев, будет провожать ее домой. А тут вдруг Диана как снег на голову. Монах тут же воспарил и захотел встрять. Он даже стал причесывать бороду и поменял несвежую выгоревшую футболку на голубую джинсовую рубаху. Неужели знак, подумал Добродеев, который хоть и писал про всякую мистику-дуристику, был, скорее, скептиком, хотя в то же самое время был открыт для непознанного. Зверь на ловца! Монах – волхв, упал духом, занемог, а тут ему р-р-раз – скорая помощь! Из эмпириеев. На тебе, волхв Белая шляпа, убийство, займись делом, хватит груши околачивать.

Почему Белая шляпа, спросит читатель? А вот почему. Добродеев когда-то в старые добрые времена подарил Монаху белую войлочную шляпу для сауны с народным слоганом: «*Кто не бухает, тот жизни не знает!*», а Жорик стал насмехаться и прилепил кличку: волхв Белая шляпа. Так и повелось меж своими.

– А тебе не кажется, что это знак? – вдруг сказал Монах, и Добродеев вздрогнул. – Моя нога, Марина, Диана, убийство, а? Даже тот козел, что наехал на меня?

Монах, прищурившись, смотрел на Добродеева, и тот пробормотал:

– Думаешь, знак? – Подумавай при этом, что наезд имел место задолго до убийства.

– Даже не сомневайся, Лео. Знак. Без нас никак. И мы ввязываемся. Щенячий патруль спешит на помощь!

– Какой патруль?

– Щенячий. Мультик такой, про четырех щенков-полицейских, очень популярный среди молодняка.

– Нас только двое, – заметил Добродеев.

– Не суть, Лео. В широком смысле можно добавить Митрича и Жорика. Даже Анжелику. Ключевое слово «спешит». Патруль спешит. Для начала нам нужны фотографии с места преступления, сможешь? Конечно, лучше бы проникнуть самолично и осмотреться...

– И не думай! – твердо сказал Добродеев. – Я постараюсь достать.

– Да разве я не понимаю... – вздохнул Монах. – Также надо вычислить бармена. Сегодня. У тебя там кто-то есть?

– Есть знакомый официант.

– Позвони и закажи столик.

– Зачем столик? Я просто поговорю с ним, забегу на минутку.

– Неправильное восприятие задачи, Лео. Говорить будем вместе. Заодно поужинаем. Одними бутербродами жив не будешь. – Монаха передернуло. – Утром прибежала Анжелика, сварила овсяную кашу и заставила съесть. Стояла над душой. Бедный Жорик!

– Подожди, Христофорыч, ты хочешь самолично пойти в «Сову»?

– С этим человеком должны говорить мы оба, – твердо сказал Монах. – Не обсуждается. Чтобы ничего не пропустить. Кроме того, засиделся я чего-то дома. А что? Имеешь что-нибудь против? Не вижу проблемы. Лифт имеется, закажем таксомотор, не торопясь, потихоньку, спешить нам некуда. Вычислим и возьмем за жабры.

– Кстати, майор сказал, никуда не встречать, – вспомнил Добродеев. – Потом говорит: «Я за вас спокоен!» – Он хихикнул.

– В смысле?

– Куда вам, говорит, с тремя ногами!

– Так и сказал? – Монах насупился.

– Так и сказал.

– Ну, майор, погоди! Тогда тем более. – Монах потянулся за бутылкой, ловко скovyрнул пробку, разлил пиво: – Давай, Леша, за успех! Эх, люблю я аналитические задачи!

Глава 7

Шаг в нужную сторону

Время улучшения ситуации обратно пропорционально времени ее ухудшения.

Закон восстановления Дрейзена

Монах продвигался вперед, являя собой фигуру внушительную и колоритную. Да что там внушительную! Громадную! Как пришелец из «Пятого элемента». В черном вечернем костюме с бабочкой, которую терпеть не мог, надетой по настоянию Добродеева. На костылях, с громадной ногой в гипсе. С пучком волос на затылке и рыжей бородой. Он опирался на костыли и здоровую ногу и, выставив вперед громадный гипсовый кокон, переносил свою тушу на полшага вперед. Получалось типа прыжок. Добродеев шел то рядом, то забегал наперед, вытянув руки, собираясь поймать Монаха в случае, если тот потеряет равновесие или кто-нибудь собьет его с ног. Предосторожность эта носила скорее символический характер, потому что удержать падающего Монаха не под силу никому. Они продвигались вперед, врезаясь в толпу как паровой каток и разделяя ее надвое. Вернее, не врезались, а вдвигались – скорость не та, – неумолимо и внушительно. Никому бы и в голову не пришло сбивать Монаха с ног, наоборот, народ почтительно расступался, уступая ему дорогу, вжимаясь в стены. А он, величественный, с бородой, в бабочке... Бабочка! Подарок Добродеева. Одно утешение – под бородой ее почти не видно.

– Не будем привлекать внимания, – сказал журналист, – у них там вроде дресс-кода, костюм, бабочка, в джинсах и футболке не пропускают. Так что без бабочки никак.

Монах ухмыльнулся: маскироваться так маскироваться! Добродеев считает, что с бабочкой он будет не так бросаться в глаза.

Их столик был возле подиума. Расторопный официант, тоже с бабочкой, убрал со стола табличку «Пресса», отодвинул кресло и помог усадить Монаха. Даже принес низкую скамеечку под пострадавшую ногу. Монах с удовольствием озирался, чувствуя себя снова «в седле», как он выразился. Полумрак, неясный людской гомон, вечерние наряды дам, сверкающие украшения, взрывающийся смех и звяканье бокалов, скользящие бесшумно официанты и тот особый запах кожи, духов, хорошо вымытой плоти и дорогой еды, который отличает заведения с уровнем. Добродеев улетел выяснять имя бармена, Монах остался сидеть за столом. Цедил неторопливо коньяк, рассматривал нарядную обстановку, светильники, люстры, сверкающий бар и спрашивал себя, какого черта он не сообразил выйти на люди раньше. И программа намечается нехилая. Нога... ну и что, что нога? Сидел как дурак дома, ел овсяную кашу, страдал. Овсяную кашу! Инерция мышления, не иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.